

Ирина ЛОБУСОВА
ПЛАЧ *под*
ДУШЕМ

@ЭЛИТА

16+

Ирина Лобусова

Плач под душем

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Лобусова И. И.

Плач под душем / И. И. Лобусова — Электронное издательство "Аэлита", 2013

Увлекательный остросюжетный детектив с логическими головоломками и неразрешимыми загадками. Классическая схема интересного детектива: несколько загадочных убийств (вроде бы не связанных одно с другим), запутанные сюжетные линии и переплетения судеб главных героев, и совершенно неожиданная развязка. Внешне жизнь главной героини романа Натальи Тимошиной выглядит очень даже благополучно. Удачная карьера, собственный бизнес в туристической компании, благополучная семья. Загадочное убийство богатого бизнесмена Руслана Гароева уничтожит ее благополучный мир. В убийстве бизнесмена подозревают Наталью. Ей придется бежать из тюрьмы и бороться за то, чтобы доказать свою невиновность. Ее расследование заводит в такие дебри, что захватывает дух! Она сталкивается с изнанкой человеческих отношений. Но не все так мрачно— она находит новую любовь. Вместе они пойдут до конца, закончат начатое расследование в Стамбуле, узнав, что... всё оказалось совсем не так, как, представлялось вначале...

© Лобусова И. И., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Ирина Лобусова

Плач под душем

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Я знала, что уйду в никуда.

Дверь открылась. Узкая полоска коридора была тёмной. Мне казалось: не дверь, тёмная бездна...

– Прости, что я причинил тебе боль...

Боль? Я обернулась. Электрический свет тусклой гостиничной лампы падал со спины, и лицо я не могла рассмотреть. Собственно, лица уже не было. Было лишь какое-то нелепо сказанное не к месту слово. Боль? Мне хотелось запрокинуть голову, смеяться, кричать, рвать кожу и вены, и толстый слой безнадёжности вместо кожи, волос, глаз... Разве на тысячную долю можно знать, что означает это слово? Знать и произносить его – просто так? Разве можно обозначить чем-то смерть при жизни, и отчаяние, и не наступивший рассвет? Воспалённые веки, глухую стену в распахнутых окнах, всё то, что никогда не обозначить унылым однообразием множества из существующих слов? Мне хотелось закричать, распахнув пошире руки, закричать или засмеяться – во весь голос... Я не сделала ни того, ни другого... Боль – это просто. Боль – это когда не хочется говорить. И тем не менее, я нашла в себе силы. Вернее, не пришлось находить, они были всегда.

– Я знаю, что такое плакать под душем. Плач под душем – это когда слёзы никто не видит. Они есть, они существуют, в них больше не воды, а крови, но никто никогда не поймёт, что они текут по твоим щекам... Потому, что в душе нельзя плакать. Можно только платить.

Что-то дрогнуло в воздухе, и тонкий лучик осветил чужие глаза, в которых застыло растерянное непонимание. Он никогда не понимал, что именно я хотела сказать.

– Может, ты всё-таки меня простишь? Мы столько прожили вместе! Я не со зла... так получилось... ты же всё понимаешь...

На место растерянности пришлагенная тоска. Мне подумалось, что это так по-мужски – убить, растоптать, уничтожить, а потом сказать: «извини, так получилось... ты же всё можешь понять». Я открыла рот, чтобы сказать об этом, но не смогла. С чего вдруг говорить? Всего лишь день. Самый обыкновенный день в обыкновенной гостинице, когда так обыкновенно приходит начало конца. Или конец конца? Ничего не было. Я и тот, к кому я больше не смогла бы прикоснуться руками. Тот, кто с щенячьей тоской пытался заглянуть в мои глаза.

– Значит, ты не простишь. Когда твой самолёт?

Я усмехнулась.

– Останься. Всё прошло. Больше так не будет. Может, ты останешься?

– Разве ты не знаешь об этом лучше меня?

– Я думал... Было много, я знаю... вместе мы... я так не хочу тебя терять! Я всё сделаю для тебя!

– Ты никогда не сделаешь самого главного. Так же, как и всех женщин, меня привлекает любовь, а не война.

– Когда ты прекратишь говорить загадками?

– Я мечтала только об одном. О самом главном. Мечтала – но вокруг была не любовь, а война. И этой вечной войны было столько, что я разучилась думать о чем-то другом. А когда

война закончилась, меня тоже не стало. Я умерла, и, открыв окно в чужой комнате, впервые в жизни связно подумала о том, что предпочитаю заниматься любовью, а не войной.

– Со мной ты можешь быть такой, какой хочешь! Жёсткой, сильной. Убивай – если тебе хочется убивать! Я приму от тебя всё – разве ты не знаешь обэтом? Я единственный в мире, способный принять тебя такой, какая ты есть!

Каждое из этих слов я знала наизусть. Я их слышала слишком долго. Я читала каждую его мысль и знала о нем всё. Хитрые огоньки в рыжих глазах. Было время, и за эти огоньки я с радостью могла отдать половину жизни. Да что половину, всю жизнь: с наслаждением, с радостью, с глупостью – до конца. Он прекрасно обэтом знал и это составляло большую половину его силы. Легче всего привыкают лошади, не менявшие долго галоп. Я мечтала о воздухе и одиночестве. Так мало, и так бесконечно много! Драгоценный дар, платить за который не существует цены.

Я знала: через пять минут выйду из гостиницы, поеду в аэропорт, сяду в самолёт, икогда он оторвётся от полосы, рваные лоскутки далёкой, но такой родной земли с мягкой нежностью обнимут моё лицо, я смогу плакать: душа больше не будет. Сиюминутная трагедия всей его жизни заключалась в том, что он тоже обэтом знал.

Я видела, что делаю ему больно. Но меня совсем не трогала эта боль.

– Я привык к тебе, но не к такой, как сейчас. Я никогда не видел тебя равнодушно-жесток, холодной. Кто ты такая, чтобы читать мне обвинительный приговор?! Себе-то ты его прочитаешь?!

– Уже прочитала. Мы с тобой – два ничтожества. Но какое это имеет значение? Мир большой!

– И в этот мир ты сейчас уйдёшь.

– Уйду.

– И не вернёшься даже для того, чтобы завершить то, что так удачно начала? Своеобразное благородство?

– Ты прекрасно знаешь: я не вернусь. Нет таких целей. Все видимые – слишком для меня просто. Как убийство, которого нет.

– Я люблю тебя.

Мне никогда не приходилось слышать, чтобы любовное признание звучало так глупо. Глупо и поздно – для того, чтобы слушать и верить. Но не для того, чтобы себя изменить.

Я задохнулась от неистового, обжигающего желания поцеловать маленькую морщинку между его рыжихподлых глаз...

Этого не произошло. В грязные окна гостиницы не могло светить яркое чужое солнце. Где-то хлопнула дверь. С мясом, с кровью вырвала из себя всё, и калеккой пошла вдоль навсегда опустевшего коридора. Пошла не оглядываясь, не возвращаясь назад.

Ад приходит из ниоткуда. Лица в темноте возникают не просто так. Иногда самый страшный на земле ад начинается со случайно брошенного слова, незначительного поступкаили мелкого события, которому никто не придаёт никакого значения. Мелочь, ерунда, нелепость, которая вдруг за короткий период по необъяснимой случайности переворачивает всё в твоей судьбе. Счастье, если после сохраняется лёгкий остаток грусти (мимолётный привкус, утончённая приправа, придающая пикантность прежде окружающей пустоте). Но чаще не так. Чаще случается самое плохое потому, что ад и хаос – просто два слова, обозначающие одно и то же. И разгадка приходит в голову очень быстро. Посреди знакомой до нелепости комнаты или чужого гостиничного номера – так, что ты понимаешь: ты не сможешь ничего изменить. Лица в темноте приходят так же, как ад – из ниоткуда. Из самой пустой обыденности, которую ни за что не сможешь предугадать. Для меня ад начался погасшими фарами стоявшей перед домом машины. Мой муж сказал тогда:

– Послушай, эта тачка застыла прямо под нашими окнами!

Я удивилась:

– Машина как машина! Ну и что тут такого?

– Ничего, – ответил муж, – но она стоит прямо под нашими окнами уже два часа!

Меня всегда немного раздражала его педантичность.

– Ты что, – вспыхнула я – следил за ней по часам?

– Нет, – резонно возразил муж, – просто интересно, к кому она могла приехать? Под нами бедная семья дворника соседнего дома, к ним никто не приезжает на шикарных машинах. А рядом – старуха с сыном-инвалидом. Вряд ли они общаются с такими богатыми друзьями. Интересно всё-таки, почему машина торчит тут уже два часа?

Не только педантичность, но и ревность...

– Ты на что намекаешь?!

– Да так... ни на что... просто так....

От болезненной ревности не существуют лекарства, особенно от той смеси глупости и ревности, с которой мой супруг подозрительно уставился на меня.

– Я понятия не имею, кто это! Никогда в своей жизни я не видела эту машину! Она не принадлежит никому из моих друзей, деловых партнёров, коллег по работе или бывших любовников! Это может тебя успокоить?

– Интересно, тогда почему в машине фотоаппарат?

– Что? – заявления моей второй (и далеко не лучшей) половины способны поставить в тупик кого угодно. Я откинула тяжёлую портьерус окна. Было около десяти вечера. Улица перед домом была безлюдной. На мостовой плясало яркое пятно света от уличного фонаря. Машина действительно стояла прямо возле наших окон, которые находились на невысоком втором этаже. Тёмные стекла. Марка – что-то вроде «нисан-кашкэй». Цвет нельзя разглядеть. Мне не показалось ничего подозрительного. Ну подумаешь, какая-то машина! Чушь, бессмысленная ерунда... Вечно мой псих с какими-то подозрениями...

– Откуда ты знаешь про фотоаппарат?

– Я несколько раз видел взатённых стёклах фотовспышку. Причём направленную на наши окна.

– Я думала, что ты готовишься к лекциям...

– Я действительно готовился, но, как тебе известно, мой письменный стол находится возле окна.

Иногда мой педагогический муж разговаривает со мной, как со студенткой. За время нашего брака от этой манеры я так и не смогла его отучить. Это достаточно противно и как зубная боль действует на нервы. Может, для этого человека необходим кто-то, чьи нервы намного крепче моих? В тот вечер у меня было плохое настроение. Мне не хотелось вступать в долгие, ничем не заканчивающиеся конфликты. Поэтому, буркнув себе под нос:

– Тебе необходимо лечиться! – я, хлопнув дверью, вышла в другую комнату.

Машина по-прежнему продолжала стоять. Я не вспоминала об этом достаточно долго. Вспомнила потом, много времени спустя, когда всё произошло. Да и то – как одну из многочисленных размолвок с мужем. Постоянных, в последнее время. Без которых невозможно прожить ни дня. Мой брак нельзя назвать удачным. И я понимала это с самого начала. Мы были слишком неподходящими личностями: академический муж и любительница приключений. Мы не сходились ни в чём, между нами не существовало ничего общего, и наш странный мезальянс был сплошной ошибкой, о которой я узнала только потом. Мудрый народ придумал по этому поводу пословицу: «не было бы счастья, да несчастье помогло». Собственно, мне следовало понять намного раньше (а потому, разумеется, я сама во всём виновата). Намного раньше, слушая в самом начале нашего знакомства постоянные истерики будущего мужа после каждой вечеринки с моим участием и каждой выкуренной мною пачки сигарет. Но через волны

событий, которые я прошла с некоторым ощущением успеха, в моей памяти чётче остались две вещи: начало начала и начало конца.

Я ушла в другую комнату, хлопнув дверью. Машина продолжала стоять. Так пошёл отсчёт времени, который означал для меня подсчитывание секунд, каждая из которых была длинной, словно вечность.

Историю с машиной я забыла почти мгновенно – я абсолютно ничего не помнила уже к следующему утру. В моей чересчур перегруженной головою теснились другие заботы. Да и правда: у заместителя директора крупного туристического агентства может быть много забот. Особенно когда на носу презентация нового туристического маршрута на престижной годовой выставке. Нельзя сказать, чтобы я без ума любила свою работу, но я относилась к ней хорошо. Моя работа в туристическом агентстве приносила сразу две вещи: деньги и возможность чувствовать себя личностью. Для меня существовать в одиночестве, без людей, означало находиться без воздуха. Всю жизнь я обожала вечеринки, компании, всевозможные развлечения, рестораны, ночные клубы и дискотеки. Самым лучшим отдыхом для меня являлась сигарета, выкуренная в шумной компании где-то на дискотеке или в ночном клубе за бокалом вина. Будучи столь общественной и общительной личностью, я черпала вдохновение в работе. Мне постоянно приходилось общаться с огромным количеством людей, посещать презентации, вечеринки, много путешествовать и находиться в центре событий. Агентством, где я так вдохновенно трудилась, заправляла хитрая особа лет пятидесяти, с сестрой которой, Викой, я была хорошо знакома: мы вместе проворачивали несколько удачных дел, начиная от поездок в Турцию и торговлей шмотками на одном из местных базаров, и заканчивая продажей нескольких квартир, на которой нам удалось неплохо заработать. После столь бурной деятельности мне хотелось чего-то более постоянного и престижного, и, когда я узнала, что Викина сестра Ольга Павловна (сделавшая потрясающую карьеру от валютной проститутки до директора валютной гостиницы) собирается вложить деньги в своё дело и открыть туристическое агентство, я буквально достала Вику просьбами свести меня с ней. Вика и свела. Контакт получился хорошим. С бывалой, знающей жизнь до самой потайной корки Ольгой Павловной мы сошлись быстро. Я вложила в её агентство несколько тысяч долларов и нашла довольно крупных клиентов (бизнесменов средних лет с деньгами, из числа моих бывших любовников). За это Ольга Павловна сделала меня своим главным заместителем, мне также принадлежала часть агентства. Принадлежала тайно, о чём не догадывался никто. Мы раскрутились довольно быстро, и с нашими общими связями заняли хорошее место. Кое-что удавалось зарабатывать – разумеется, не совсем законным путём. Главная часть наших заработков вытекала из не официального бизнеса. Дело в том, что бывшая коллега Ольги Павловны держала модельное агентство. А мы занимались организацией специальных туров для одиноких богатых мужчин, желающих поразвлечься. Модельное агентство (которое на самом деле было хорошо организованным борделем) поставляло нам девушек для сопровождения. За это платили большие деньги. Мы зарабатывали неплохо. Несколько раз в такие «сопроводительные» поездки (только за границу) ездила и я. Мне попадались солидные мужчины в возрасте, два американца и два грека, которые вели себя очень вежливо, дарили хорошие подарки и платили неплохие деньги. Я посетила с ними два раза Грецию, Италию и Кипр. Но это было до замужества. Муж перекрыл мне кислород. Будучи официально замужней дамой, я уже не могла ездить в такие поездки. О чём не раз пришлось пожалеть. Особенно я бесилась однажды, когда предстояло небольшое путешествие в Тунис с сороклетним красавцем испанцем! Он был обворожителен и богат, и, что самое обидное, ему тоже приглянулась именно я! Но у меня был муж, и я дала себе слово, что с прошлым покончено. И в Тунис поехала внешне похожая на меня, восемнадцатилетняя опытная «модель». Но, даже не сопровождая клиентов, я всё равно зарабатывала неплохие деньги и общалась с великим множеством народа. А потому эта работа представляла для меня достаточно интереса, чтобы ею дорожить...

Именно это было первой фразой, которую я сказала в кафе. В том кафе, в котором всё началось, и где впервые за столько бесконечных лет передо мной сидел человек, бывший для меня чем-то большим, чем очередным любовником. Человек, ради которого многолет назад я с радостью, не задумываясь, отдала бы жизнь...

Мы сидели в кафе. Я задыхалась от возмущения и ненависти и проорала ему в лицо:

– Прекрати! Слышишь меня? Прекрати немедленно! Я дорожу своей работой! Я очень дорожу своей работой! Хватит портить мне жизнь!

– Да неужели? – его глаза издевались надо мной самым откровенным образом. – Говорят, ты стала солидной дамой? У тебя даже завёлся муж?

– Представь себе, муж! Хотя тебя это не касается!

– Говорят, твой муж очень серьёзный, преподаёт в университете. Профессор!

– Допустим!

– И университетский профессор женился на тебе?!

Ему было достаточно одной фразы, чтобы довести меня до нервного припадка. Огромным, почти нечеловеческим усилием воли я сдержалась, чтобы ему в голову не полетело всё, что было перед нами на столе.

– А почему тебя это удивляет? Разве для тебя новость, что я достойна восхищения?

– А твой образованный муж вообще знает, чем вы занимаетесь, в этом своём агентстве?

– Откуда можешь знать обэтом ты?

– Я был одним из ваших выгодных клиентов. Развлекательный тур в Египет с шестнадцатилетней рыженькой моделькой, кстати, просто великолепной в постели!

– Ах ты, ничтожество!

– Интересно, а соответствующие органы знают, что некоторым из ваших эскорт-моделей всего по шестнадцать лет?

– Ты собираешься меня шантажировать?

– Ниоим образом! Я собираюсь ещё раз стать вашим клиентом. Ты ведь знаешь, я предпочитаю тех, кому ещё нет двадцати.

– Хорошо, что наша встреча вновь напомнила мне, какой ты поддонок!

– А ты успела обэтом забыть?

– К счастью, нет. Для меня ты всегда будешь олицетворять самое мерзкое ничтожество!

– Тогда почему ты прибежала ко мне по первому зову? Как только я тебя позвал?

– Ты знаешь! Я пришла, чтобы сказать: оставь меня в покое! Я хотела лично тебе это сказать!

– Я ничего не понимаю! Мы с тобой давным-давно не поддерживали никаких отношений. С того момента, как мы расстались, прошло не меньше трёх лет.

– И ты до сих пор продолжаешь меня преследовать! Оставь меня, наконец, в покое!

– Я?! Преследовать тебя?! Но зачем?!

– Откуда мне знать? Может, хочешь, чтобы я к тебе вернулась?

– Ты? Ко мне? Но ты меня совершенно не интересуешь! Ты уже не такая красивая, как была прежде. За это время ты успела значительно постареть и подурнеть.

– Вот и хорошо. Раз я старая и некрасивая, можешь наконец-то оставить меня в покое!

– Да я тебя и не трогал!

– Если не ты, то кто?

– Может, расскажешь, что случилось?

– Со мной происходят странные вещи! Если в них повинен не ты, тогда почему ты меня позвал?

– Извини, но ты первая мне позвонила! Я просто откликнулся на твой призыв.

– Когда я звонила, тебя не было дома, никто не брал трубку!

– Твой номер высветился на определителе, и я сразу же тебе перезвонил!

– Зачем?

– Ну... не знаю... я подумал, тебе что-то от меня нужно... зная твою способность вцепиться к человеку, как пьявка, я решил себя оградить от попытки пережить прошлое.

– Ты уже сделал эту попытку. Ещё до звонка. И тебе придётся за это платить.

– Твоя манера говорить тупыми загадками раздражала меня и в прошлом.

– Я знаю.

Мы замолчали оба, разом. Может быть, из-за моей неудачной фразы «тебе придётся за это платить». Заплатить... Мы молча смотрели друг на друга. В его объятиях я переживала настоящую смерть. Это наваждение нахлынуло на меня волнами, я задыхалась от непонятного безумия обострившейся чувственности там, где прошлое было усыпано зазубренными осколками пережитых с ним разочарований, а будущее сулило лишь пустоту. Я доходила с ним до полной нирваны там, где тишина раскаляется в рвущие разум звуки, и огненное тело в лавине загоняет душу и мозг в потаённые пределы бесчувствия, в которых ничего нет... Полное бесчувствие на самом пике острого наслаждения, когда язык тела значит намного больше, чем речь и слова, где стираются грани и краски окружающего мира вместе со всеми его раздражителями и остаётся только наслаждение, и больше рядом ничего нет – эту специфическую отстранённость я называла простым словом «смерть» потому, что его лицо было для меня лицом целого мира... Он был больше, чем Бог. Был раньше... А потом... потом остался самый уродливый шрам... Он стал шрамом, уродующим моё тело и душу в тот самый момент, когда перестал быть Богом. Омертвевшим, изредка – очень болезненным шрамом (странный парадокс: два в одном), потому что такое наслаждение (от оргазма до полной тупости) я больше никогда не переживала ни с кем. Шрамы остаются после большой боли. С тех пор мне было больно на него смотреть. Я переживала физическую острую боль (загадка для психоаналитика) каждый раз, как только воскрешала в памяти нагловатую усмешку его рыжих глаз, всегда смотревших на меня с плохо скрытой насмешкой и (одновременно) потаённой, искренней болью... Глубоко спрятанной в том хаосе алчности и беспечности, который представляла из себя его жизнь. Он признавался в любви так, как будто просил в долг: униженно и немного заискивающе. И каждый раз признание в любви означало его твёрдую уверенность в том, что он никого не любил. Он лгал даже тогда, когда спал. Лгал самому себе в снах, и мне давно пора было к этому привыкнуть... И я привыкла бы, если, моя привычка биться о его острые углы не означала дополнительный, местный оргазм. Но я всегда болезненно реагировала на его ложь. И он, наверное, догадывался, что является для меня источником нестерпимой боли. Боли, которая длилась, как хроническая болезнь, столько незабываемых лет... И всё-таки... Всё-таки он был единственным мужчиной, в объятиях которого я умирала. Раздражающий фактор: смесь ненависти и сладостной пустоты...

Прошло... Сколько прошло лет? Только местная анестезия немного возвращает способность думать, а никакой анестезии не было. Да и откуда она могла появиться, если я впервые столкнулась лицом к лицу с ним спустя такой отрезок времени. Он не изменился. Те же рыжие глаза, и лохматые пышные волосы ниже плеч, волосы, которым я всегда втайне завидовала. Та же кожаная куртка и потёртые джинсы, и единственное дополнение к прошлому облику: торчащий из кармана мобильный телефон.

– Как ты живёшь? Я забыла спросить...

– Разве ты позвала меня для этого?

– Нет. Мне просто показалось, что мы готовы вцепиться друг другу в глотку, а есть слишком много тем, которые мы должны обсудить.

– Хорошо, – он знакомо улыбнулся и мои внутренности свело очередной судорогой боли, – раньше, как ты знаешь, у меня был ресторан. Он остался по-прежнему. А теперь к нему прибавился компьютерный клуб. И кое-что ещё.

– Ты увлекаешься компьютерами?

- Надо жить по-современному.
- Кто играет в твоём ресторане теперь?
- Хорошие ребята. Жаль, ты их не слышала. Они молодцы.

Он сделал блестящую карьеру из прошлого в будущее. Когда мы познакомились, я была нищей иногородней студенткой, приехавшей учиться, а он – бедным богемным музыкантом, играющим в рок-клубе. У него была целая группа таких же бездомных безработных бродяг. Мы стали жить вместе, и жили как два самых беззаботных в мире существа, от тусовки к тусовке, среди рок-музыкантов с нереализованными надеждами, которые так и не реализовались ни в каком будущем. Для того, чтобы зарабатывать деньги, он пел в ресторане, и получалось у него, вобщем, неплохо. Потом началось новое время. Я стала мотаться по Польшам и Турциям, а он... купил ресторан. Его папаша в другом городе (том городе, откуда он был родом) был крупным партийным деятелем, и умер, оставив огромную сумму денег в иностранном банке ему, своему единственному и обожаемому сыну. И сын, вместо того, чтобы пустить деньги на раскрутку в Москве и стать эстрадной звездой, кумиром миллионов, купил тот самый ресторан, в котором пел. На удивление, он оказался удачным бизнесменом. Петь перестал, и завёл в ресторане некоторые изменения: китайскую кухню и стриптиз. Дела пошли очень успешно, и вскоре к этому ресторану он присоединил ещё один. А потом и ещё два. Он стал довольно успешным дельцом. Только облик остался прежним. Он так и не смог сменить на дорогой престижный костюм свою старую кожаную куртку и потёртые джинсы. И не остриг свои чудные длинные волосы цвета спелой пшеницы, волосы такой длины и густоты, что им нельзя было не завидовать. Его внешность, манера одеваться были словно протестом против нового времени. Дружки по рок-клубу и тусовочные музыканты не сделали такой блестящей карьеры: кто спился, кто умер от наркотиков, кто продолжал жить так же неудачливо и бес толково, какжил.

Он всегда врал, говоря в единственном числе о своём ресторане. Когда мы расстались, у него их было четыре, а теперь стало наверняка больше. Он не мог не врать потому, что так жил.

- Ну что, поинтересовалась? Дальше что? Напросишься ко мне домой на ужин?
- Не напрошусь. Ты всю жизнь питался одними обьедками и помоями.
- Большое спасибо за комплимент.
- Ладно. Мы поговорили, полюбезничали, теперь пора и за дело. Зачем я решила с тобой встретиться? Я хочу, чтобы ты вернул мне все фотографии и оставил меня в покое! Понимаешь? В полном покое! Совсем!
- У тебя что, бред? Или ты выпила перед встречей?
- Я не пью. Ты знаешь обэтом. Оставь меня в покое по-хорошему. Убери всех этих людей!
- Каких людей?! Я не понимаю, о чём ты говоришь? Что случилось?!
- Которые за мной следят! Которые сделали те фотографии! Которые звонят по ночам и постоянно меня преследуют дурацкими угрозами!
- Преследуют?! Солнышко, успокойся! Всё хорошо. Не нервничай! Может, тебе просто надо немного отдохнуть?

Я подумала, как выгляжу со стороны. Сижу с человеком, с которым рассталась много лет назад, вся лохматая и взъерошенная, и говорю о том, что кто-то меня преследует! Нехорошие мысли так и лезут. Доказательства? Но у меня не было никаких доказательств, просто я убедила себя в этой мысли и пришла твёрдо к выводу, что всё, что со мной происходит – его проделки, больше некому. Только он, идиот, способен на такое! Только он! Но там, в кафе, я впервые подумала о том, как выгляжу со стороны, если всё, что происходит в последнее время со мной, делает не он, если он вообще невиновен... Кем я буду выглядеть в его глазах? Женщиной, по которой плачет сумасшедший дом? Картина малоутешительная! Я вдруг подумала о том, что у меня было полно и ненормальных клиентов, и оскорблённых бывших любовников. Мимолётно проскользнувшая мысль так явно читалась у меня в голове, что заставила замолчать. Мне даже

показалось, что он встревожился. Этому не стоило придавать особенного значения: он всегда был очень хороший актёр.

– Скажи, – теперь и в голосе, и на его лице были и нежность, и забота, то есть всё то, что я никогда не видела прежде, – пожалуйста, скажи, что с тобой происходит? Может, я сумею помочь?

Его глаза смотрели ясно и прямо, и даже несколько встревоженно – так, как будто он видел перед собой сумасшедшую, только что сбежавшую из психдома.

– Ты? Мне? Помочь?

– У тебя неприятности? Будет лучше, если ты всё расскажешь. Мы вместе подумаем...

– Где ты был, к примеру, прошлой ночью?

– У себя дома, в постели. Как понимаешь, не один. С женщиной по имени Марина. Адрес дать?

– Она может это подтвердить? Что ты всю ночь провёл дома?

– А зачем? Что произошло?

– Кто вообще такая эта Марина?

– Женщина, с которой я сплю время от времени. А что?

– Я всегда задыхалась от твоего цинизма!

– Позволь напомнить: ты больше не моя любовница. А замужняя женщина, и тебя больше не должно волновать, с кем я сплю.

Теперь его лицо было таким же, как всегда: беззаботным, нагловатым, уверенным... Я растерялась. Я не знала, что думать... Смогла лишь угрожающе прорычать:

– Если ты мне врёшь...

– Может, тебе лучше обратиться к специалисту?

– Частному детективу?

– Психиатру!

То, что он обо мне думал, ясно читалось на его лице. А в моих мозгах пульсировала мысль: может, он не виновен... не он... Я не привыкла теряться. В состоянии растерянности всегда чувствовала себя, словно без кожи. И состояние такое было в моей жизни всего несколько раз – несколько случаев, когда я действительно теряла лицо. Это унижало. Это было очень болезненно. Пусть перед кем угодно. Но перед ним?!

– Давай выпьем, и ты успокоишься.

– Ублюдок! Как же я тебя ненавижу!

– Облегчила душу? Теперь можешь рассказать?

Вдруг в его кармане зазвонил телефон. Возникла пауза. Я вскочила, едва не опрокинув столик. Лихорадочно соображая, что делать, бросилась к выходу. Моё поведение было по меньшей мере нелепым. Даже не делая попытки удержать, он уставился мне вслед. Я сгорала от стыда всю обратную дорогу до дома.

– Ну что, это скоро закончится? – злобно спросил муж.

Буркнув что-то невразумительное, я бросилась в ванную, чтобы смыть остатки стыда и косметики. Я удивлённо уставилась в отражение: такого я не предполагала увидеть! Особенно когда поняла, что смеюсь...

На следующий день после инцидента с машиной муж продолжал ворчать. Он никогда не успокаивался скоро.

– Кто-то из придурков, с которыми ты общаешься, решил всю ночь торчать под твоими окнами! Вокруг тебя одни ненормальные! Я не понимаю, как можно находиться на подобной работе! В конце концов, здесь мой дом я этого не потерплю!

И как ни пыталась я ему объяснить, что нет абсолютно никакой связи между мной и стоящей на тротуаре машиной, и, кроме того, двухэтажный старинный особняк в центре города со множеством квартир вряд ли может ему принадлежать – увы, всё было бесполезно! Муж

разорялся ещё больше, и, чем проще, умней и логичней были мои аргументы, тем более нелепей выглядели его доводы. Самым потрясающим по гениальности было:

– Что ты так его защищаешь? А может, ты вообще завела себе любовника?

На это мне просто нечего было сказать!

Утром следующего дня я, как всегда, ушла на работу. Телефонный звонок раздался около десяти часов. Трубку снимала Вика, наша секретарша, главной обязанностью которой было отвечать на звонки. Надо сказать, телефон звонил беспрерывно, с периодичностью раз в три минуты, и этот вечный гомон (хлопающие двери, люди, бесконечные звонки) был основной принадлежностью нашего офиса. Около десяти утра Вика громко крикнула из другой комнаты:

– Тебя к телефону, Натали!

В тот момент я просматривала образцы реклам для телевидения, и мне было нужно решить, кому их подсунуть, какому из агентств. Поэтому я машинально схватила трубку и буркнула:

– Я сейчас занята. Пожалуйста, перезвоните попозже.

– Ты доиграешься, сука, – ответили мне.

Я опешила. Голос был мужской, грубый и довольно уверенный. Так обычно разговаривают бригадные, особенно – мелкие шестёрки. Я неплохо различала по телефону голоса, но в тот момент я была твёрдо уверена: я никогда не слышала этого человека прежде. Я не знала, кто он такой! Но, тем не менее, я ошарашено пролепетала:

– Что?

– Я уже сказал! Ты доиграешься, сука! Предупреждаем: ты играешь огнём! Сука подлая с длинным носом...

– Кто это?

– Скоро узнаешь!

– Одну минутку, подождите... – моих мозгов хватило на то, чтобы броситься в приёмную к Вике и быстро схватить трубку её аппарата, в котором был определитель номера. Сделав Вике быстрый знак замолчать.

– Кто это говорит?

– Скоро узнаешь, сука! Тебя предупреждают! Прекрати это делать! Если ещё раз ты покажешься в том доме, тебе быстро укоротят длинный нос!

– В каком доме?! Я ничего не понимаю!

– Все понимаешь! И если ты меня не слушаешь, останешься без хорошей мордочки!

– Наверное, вы не туда попали! Кто вам нужен?

– Ты! Мне нужна ты. Мне нужно, чтобы ты поскорей сдохла, сука!

– Кто.

Он уже повесил трубку. На определителе номера светилось одно слово: «таксофон». Я обернулась к Вике.

– Кто это был?

– А вы разве не знаете?

– Кого он спросил? Как именно?

– Он попросил позвать к телефону заместителя директора Наташу. Да, а перед этим спросил, попал ли он в агентство путешествий «Магнолия». Я говорю, что да. А он: мне нужна Наташа, заместитель директора. А у нас ведь только одна Наташа – это ты. Я что-то сделала не так?

– Нет, всё в порядке. Просто звонил какой-то придурок. Наговорил кучу гадостей, и даже не представился. Наверное, какой-то недовольный нашим обслуживанием...

Я постаралась самой себе внушить эту мысль. Дело в том, чтохоть мы и транслировали шикарную дорогую рекламу, но дело имели только с дешёвыми отелями. И многие из клиентов, привыкших к более шикарному сервису, выражали недовольство. Это был не первый хам-

ский звонок. Многие звонили с претензиями, которые выражали отборным матом. Некоторые тоже не представлялись. Но этот звонок... Целый день он не выходил у меня из головы по одной простой причине: он был слишком не похож на остальные! Кто этот человек? Что он от меня хотел? О каком доме речь? Я не посещаю никакие дома, кроме квартиры мужа, где живу, и своей работы! В гости к подругам не хожу, предпочитаю встречаться в кафе, ресторанах. Я могла бы подумать, что это глупая выходка кого-то из моих любовников. Но как только я вышла замуж, я ликвидировала всех! Ничего подобного в моей жизни нет! И вообще я не понимала: что именно от меня можно требовать? Куда именно не ходить? Все дела валились из рук. Я чувствовала себя выжатой. Здравым смыслом пыталась себя успокоить: мало ли на свете придурков, мало ли кто может сюда звонить... Наташу из «Магнолии» знают по городу, наверное, несколько тысяч, даже те, с кем я не была лично знакома. Слава о нас катится по городу, как танк. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он спросил именно так. Утешает одно: придурок не знает моей фамилии. Значит, мы знакомы совсем не так близко. Уже хоть что-то утешительное. Уже хорошо.

Я никому не сказала об этом звонке. Загруженная делами Вика через пять минут забыла о нём. В тот день всё валилось из рук, но больше подобных звонков не было. К сожалению, с детства я страдала тяжелейшим расстройством памяти: никогда и ничего мне не удавалось забыть. Я не умела забывать, и это было своего рода патологией. Очень мешающей жить. В тот день я задержалась на работе до шести часов. Мне пришлось долго провозиться с телевизионной рекламой. В шесть было уже темно. Офис нашей фирмы находился во дворе большого многоэтажного дома. Двор в форме колодца был окружён множеством высоких домов. На улицу вёл длинный тёмный подъезд, выходящий прямо на автомобильную стоянку. Подъезд был совсем темным, хотя и улица, и стоянка были достаточно хорошо освещены. Когда я уходила домой, в офисе оставалось несколько человек. Наш художник Вадик и его помощница, компьютерный графист Света. Охранник. Кто-то из менеджеров. И даже секретарша Вика.

Прощавшись со всеми, я собрала вещи и направилась к выходу, думая заскочить за продуктами в гастроном. На улице было темно и холодно. Накрапывал дождь. В домах тускло светились окна. Во дворе никого не было. Я быстро вошла в подъезд. Было слышно, как стучат мои каблук по асфальту. Как всегда, в подъезде не было ни одной лампочки. Я ничего не могла разглядеть. Всё произошло очень быстро.

Вдруг меня толкнули к стене. Я чуть не упала, больно стукнувшись спиной о почтовые ящики. Прямо ко мне метнулась тёмная тень. Судя по всему, это был мужчина достаточно высокого роста. Я истерически закричала и схватилась за сумку, но он не сделала никакой попытки её забрать. Вместо этого поднял вверх руки... и я чуть не ослепла, ошарашенная яркой вспышкой фотоаппарата... Это была какая-то особенно яркая вспышка (наверное, профессиональная), слепя которой, он сфотографировал моё лицо несколько раз. Совсем обалдев, я даже не думала сопротивляться. После этого мужчина быстро побежал к выходу на улицу, зажав фотоаппарат в руке. Был слышен шум отъехавшей машины. у меня подогнулись ноги и я ничком повалилась на землю. У меня не было сил кричать. Тем не менее мои крики привлекли внимание. Очень скоро я увидела рядом с собой художника Вадика, охранника и Вику, которая с ужасом вытирала моё зарёванное лицо. В три голоса они кричали, спрашивая, что случилось и всё ли в порядке... Охранник светил на меня фонариком, пытаясь понять, нет ли повреждений. Я редела и не могла говорить. Кое-как меня подняли на ноги и заволокли обратно в офис. Я по-прежнему истерически сжимала сумку в руке. Зубы громко стучали о стакан воды, поднесённой Викой. Вокруг меня толпились все, кто только там был. В тепле и ярком свете привычного помещения я быстро пришла в себя. Ко мне даже вернулась речь.

— Он был в подъезде... мужчина... высокого роста... В чем-то тёмном... Кажется, в тёмном костюме... он на меня набросился, толкнул к стене... Я больно ударилась спиной о поч-

товые ящики. Сначала я думала, что он хочет забрать сумку, но он... он... – тутя снова разрыдалась. Все сильно обеспокоились. Кто-то деликатно осведомился:

– Он вас тронул?

– Он... сфотографировал моё лицо!

Все обомлели. Кто-то не выдержал:

– Что сделал?!

– Поднял фотоаппарат с яркой вспышкой и стал фотографировать! Он сфотографировал меня несколько раз, а потом смылся!

Изумление окружающих не проходило. Наконец охранник, как самый деловой, сказал:

– Позвонили в милицию и вашему мужу. Они уже едут.

Милиция приехала через двадцать минут. Муж, как всегда, опоздал. Четверо молодых людей в форме, высокого роста и почему-то с автоматами. Один из них (лет тридцати, с симпатичным лицом) был главный. Он внимательно выслушал мою историю и всё записал. Потом отложил бумагу и ручку.

– Вы меня, конечно, извините... Я работаю достаточно долго, и у меня большой опыт. Я видел и слышал практически всё, много раз. Но психа, который нападает на женщину, чтобы сфотографировать, мне не приходилось видеть! Вы уверены, что он вас не изнасиловал? Может, вы просто не хотите сказать?

– Да он не притронулся ко мне, даже пальцем! Только толкнул! А потом сфотографировал! Подряд несколько раз! А после этого убежал на улицу, откуда уехал на машине!

– Откуда вы знаете, что на машине?

– Слышала, как она завелась.

– Может, это был кто-то другой? Машин много!

– Откуда я знаю? Я за ним не бегала!

– А сумка? Он что, не тронул вашу сумку?

– Он даже на неё не смотрел!

– А вы разглядели его лицо?

– Конечно, нет! В подъезде было очень темно. А потом он буквально ослепил меня своей яркой вспышкой!

– Вы уверены, что у вас нет повреждений? Может, всё-таки обратитесь к врачу?

Я твёрдо сказала довольно бодрым голосом, что не нуждаюсь ни в каком враче. Это тот псих нуждается, который меня фотографировал, а искать его дело милиции. Пусть ищут и объясняют, что фотографировать людей против воли нельзя.

Когда приехал муж, ко мне вернулось обычное состояние природной весёлости. Милиция ещё немного потопталась и уехала, записав мой телефон и домашний адрес. Начальник оставил карточку с номером телефона: «если что вспомните, звоните». Я засунула её на самое дно сумки. Супруг раскудаhtался, как обиженная курица. Работа в таком месте не приведёт к добру, он всегда меня обэтом предупреждал. И мне надо следить за своим поведением, и лучше выбирать знакомых, и думать, куда и с кем иду, и т. д. Он довёл меня до состояния белого каления. И я довольно грубо заявила, что слушать его идиотские нотации не хочу. Всё, что хочу в данный момент – это хорошо потрахаться (разумеется, не с ним) и выпить стакан крепкого коньяка или водки. Но так как он не может мне предоставить ни первого, ни второго, то пусть заткнётся и молчит. Полностью шокированный, замолчавший муж забился в угол, откуда наблюдал за мной с чрезвычайно возмущённым видом. Но мне и без него хватало забот. Пришлось объясняться с приехавшей Ольгой Павловной, которой кто-то позвонил на мобильный и с людьми из расположенных поблизости офисов. Начальница проявила сочувствие и сообщила, что завтра я могу на работу не выходить.

По дороге в машине мы с мужем хранили ледяное молчание, что вобщем-то было мне на руку.

– Я не понимаю, почему ты так ко мне относишься, – в квартире заявил он, – сказать такое было и глупо, и грубо.

– Это правда.

– Да? А кто знает, может, ты с тем придурком и потрахалась там, в подъезде, а потом выдумала эту идиотскую историю с фотографированием? Я всегда знал, что ты плохо закончишь!

Я рассмеялась и отправилась в ванную – срочно смывать с себя всю грязь. И только когда залезла в горячую воду, пытаясь подольше удерживать первый всплеск наслаждения, вдруг вспомнила: я никому не сказала о телефонном звонке.

Утром я проснулась именно с этой мыслью. Никому: ни милиции, ни мужу, ни в офисе я не сказала о телефонном звонке. Да, но почему я решила, что существует какая-то связь между этими двумя событиями? Может, никакой связи здесь нет... Но что-то подсказывало мне, что это не так., связь существует, только мне не удаётся её увидеть. Два чрезвычайных, выходящих из ряда вон события – вряд ли это может быть простым совпадением. Чтобы беспрепятственно думать об этом, в моем распоряжении был целый день... Я начала с самого простого: пересмотра тех дел, которыми занималась в данный момент. Это было несколько простых контрактов: отправка бизнесменов на отдых (без эскорта, официально, с жёнами), группа школьников (туристическая поездка в Карпаты – в целях рекламной благотворительности её оплачивал один занимающийся политикой бизнесмен), тексты телевизионных реклам, встречи с представителями дешёвых отелей в Чехии и Болгарии (такие поездки были выгодны и очень хорошо расходились летом). Подготовка к будущей выставке в шикарном выставочном центре. Официальные, ничем не примечательные дела. Привсём этом не было никаких домов, которые я могла бы посещать. Тайный бизнес? На предстоящие три недели у нас было всего два заказа. Осень не очень-то пользовалась успехом. Мои доходы в этом месяце насчитывались полностью из официальных источников. Итак, двое. Первым был директор приватизированного ликёро-водочного завода, чрезвычайно противный дедушка шестидесяти пятилет. Внешность у него была чисто советская: квадратный череп и железобетонная челюсть настоящего бюрократа, казалось, что у него совсем нет пола. Тем не менее, это было не так. Для поездки на курорты Швейцарии он заказал восемнадцатилетнюю блондинку с длинными ногами, и обязательно не старше. Ну, мы и подсунили ему... одну. Для таких случаев у нас была потрясающая штучка: двадцативосьмилетняя Лиля, которая при умелом использовании косметики могла сойти за восемнадцатилетнюю. Это была чрезвычайно хитрая бестия, специализирующаяся на выколачивании капитала из таких вот сластолюбивых дедушек (надо ли говорить, что с каждого дедушки, поставленного ей, мы получали процент). Страдая всевозможными венерическими заболеваниями, она занималась и выколачиванием денег, и шантажом. И (особое качество, за которое мы её ценили) она умела избегать неприятностей, как никто другой. Из-за Лили у нас никогда не было неприятных историй. Поэтому мы и отправили её в Швейцарию – таким был первый заказ.

Вторым был некий Руслан Гароев, владеющий строительной фирмой. Его фирма занималась тем, что строила дома. Потом он продавал квартиры и зарабатывал очень неплохо. Конечно, я не знала в точности, чем он занимался, но официально он представлял всё именно так. Это был довольно импозантный мужчина тридцати трёхлет. Одевался чрезвычайно дорого, на руках носил золотые перстни и часы, и все буквально обожали, когда он появлялся в офисе: он задаривал женщин цветами и конфетами. Стоит ли говорить, что он уже несколько раз был нашим клиентом. Со мной у него были особые отношения: так как я занималась его контрактом, мне он преподносил не только цветы и конфеты, но и шампанское, и дорогие духи. Я в первый раз вела его контракт. Я прекрасно запомнила, как он объявился в офисе, и, развалившись возле моего стола, заявил:

– Я хочу, чтобы в эту поездку меня сопровождали вы.

– Сожалею, но это невозможно.

– Почему? Я заплачу любые деньги! Ольга Павловна сказала, что вы предоставляете все услуги!

– Разумеется. Но сотрудники нашего агентства не вступают в интимные отношения с клиентами.

– А я слышал о вас другое.

Вспыхнув до корней волос (я терпеть не могла, когда так нагло и откровенно в лицо меня называли проституткой) я встала из-за стола с самым решительным лицом.

– Вот и обращайтесь к тем, от кого слышали! Работать с вами я не буду. Кому вы хотите, чтобы я отдала ваш контракт?

– Только себе! Извините, я погорячился. Но вы сами виноваты! Вы произвели на меня сногшибательное впечатление, и я влюбился в вас с первого взгляда!

– Зато во мне вы с первого взгляда вызвали отвращение!

– Виноват, заслужил. Как я могу заслужить ваше прощение? Молчите, не отвечайте! Я заплачу вам вдвойне, и вы получите двойной процент!

Так как это была довольно значительная сумма, то я смиростивилась и даже выдавила из себя улыбку. Он тоже улыбнулся и сказал:

– Ну что, мир?

– Временный. Я не отказываюсь от вашего контракта, но не позволю так с собой разговаривать!

– А вы позволите пригласить вас на ужин, или, на худой конец, преподнести вам цветы? Я рассмеялась, ничего не ответив... Я не собиралась встречаться с ним никогда.

О цели своей поездки он заявил так:

– Это деловая поездка. Девушка мне нужна только для того, чтобы произвести должное впечатление. С женой я поехать не могу: она похожа на разжиревшего бегемота, к тому же у нас двое детей.

Я спросила его о том, какой должна быть девушка.

– Мне абсолютно всё равно. Я не собираюсь с ней спать. Я ведь сказал, что это сугубо деловая поездка. Но мне бы хотелось, чтобы она была по возможности красивой. И обязательно похожей на вас.

На следующую встречу он преподнёс мне роскошный букет роз и духи. Разумеется, это вызвало колоссальные сплетни у окружающих. Но я всегда наслаждалась сплетнями! Гароев появлялся в офисе достаточно часто. Иногда по предварительному звонку, иногда без. Мы выбрали ему в сопровождающие некую Катю: начинающую модель, восемнадцатилет, за деньги готовую спать с кем угодно. Она немного смахивала на меня. Но Гароев по непонятным причинам откладывал поездку. Прошло уже пару недель, а он всё не определился с датой и страной. Но платил за всё, в том числе и за ожидание. Это ничего мне не стоило, не забирало сил. Но и не существовало никакого дома! Абсолютно никакого, куда я могла бы ходить! Несмотря на все попытки заигрывания Гароева, я никогда не была у него в квартире и не собиралась там быть. А контракт совкового директора вообще вела не я! После размышлений выходило, что я была белой овечкой. Но ведь кто-то же сфотографировал меня в подъезде! И кто-то звонил, угрожал. Я не могла найти разумных объяснений, и это меня бесило! Прошлые? Но всё, что там было, я давно похоронила.

Видя меня в бесплодных размышлениях, муж ходил кругами вокруг и ехидничал:

– Боже, что сегодня за день! Неужели мир лопнул? Мы напрягаем свои мозговые извилины, впервые за столько лет! Мы думаем впервые со дня нашего рождения, и весьма озадачены, ведь думать-то нечем! Какая досада! И как такая неприятность могла произойти!

– Без извилин, как ты говоришь, я зарабатываю в три раза больше, чем ты!

– Именно потому, что ты без извин! Если бы была хоть одна, ты бы поняла, что не стоит зарабатывать таким способом! Лучше честно голодать! И тогда с тобой ничего бы не случилось!

– Что ты за человек? Со мной такое произошло, а ты...

– А я не знаю, что с тобой произошло! И поэтому не собираюсь тебя жалеть. В том обществе, в котором ты вращаешься, с тобой может произойти всё, что угодно! Я не удивлюсь, если завтра тебя зарежут!

– Ради бога, заткнись!

Такие разговоры не способствовали душевному спокойствию. Но кратковременная семейная жизнь научила меня главному: умению пропускать сквозь пальцы, иначе не выжить. И я пропускала изо всех сил.

Я даже не заметила, как пролетел день, отпущенный на отдых. Вечером приплелись с соболезнаваниями какие-то бесконечные друзья. Дом наполнился шумом, гамом и кутерьмой. За двумя бутылками хорошего коньяка время летит незаметно. Муж где-то потерялся на этом разноцветном фоне. Сначала его фигура маячила по углам. Потом я совсем потеряла его из виду. Когда друзья разошлись, было три часа ночи. Муж заперся в спальне и крепко спал.

Я проснулась на рассвете, от сна. Я не запомнила его в точности, только наволочка на подушке была мокрой. Я плакала во сне. Мне снилось чьё-то плечо. Рядом действительно было плечо – сухое, жёсткое плечо мужа, то, которое я меньше всего хотела бы видеть. Это было главной темой сна: мне хотелось видеть рядом совершенно другого человека. Мечта, осуществить которую не могла.

После окончания рабочего дня несколько сотрудников вызвались меня проводить, но я мягко отвергла все попытки. Я решила взять себя в руки и возвращаться самой. В конце концов, я не могу прятаться до бесконечности, рано или поздно мне придётся выйти на улицу. Нужно сделать попытку – тем более, что моему супругу даже в голову не пришла мысль вечером заехать за мной. Не без содрогания сердца я вошла в тёмный подъезд. Там было тихо, спокойно, ни души. Я старалась идти медленно, но ноги сами несли к выходу, и я буквально бежала к ярким огням стоянки, видневшимся впереди. Я выскочила на улицу и перевела дух. Именно в тот момент я вдруг отчётливо сформулировала мысль, вертевшуюся в голове с вечера, мысль, которую я всё не могла ухватить. Что я слышала вчера, после необъяснимого нападения? Что показалось особенно подозрительным, что не давало спать? Шум. Я слышала шум отъехавшей машины. Нападавший носил ботинки на каблуках, каблуки громко стучали по асфальту. Я слышала топот ног всё время, что он бежал. Как только замерли шаги, сразу раздался шум включённого мотора, и это не могло быть простым совпадением. Маньяк, который ездит на машине? Большой нелепости я не могла изобрести! Значит, он приезжал специально, чтобы встретиться со мной. Господи, какая нелепость... Но если я додумалась до этого, почему бы не проверить прямо сейчас? В моей сумки были кое-какие деньги. Я нашла мелочь, спрятала несколько купюр в кулаке. Потом уверенным шагом направилась к стоянке.

Будка сторожа была почти рядом со входом в подъезд. Я постучала в зарешёченное окошко. Выглянул молодой парень, лет восемнадцати, наверное, студент. Стараясь улыбаться как можно приветливей, я поманила его пальцем:

– Эй, можно поговорить?

Он вышел. По его физиономии я поняла, что этот тип давным-давно прошёл огонь и воду. Уж очень хитрыми были бегающие глаза. Я решила говорить прямо:

– Слушай, парень, ты здесь дежуришь?

– Допустим.

– И вчера вечером дежурил?

– А что?

– Поговорить надо...

– Вы насчёт машины? С ней что-то не в порядке? Ведь он сказал, что сразу поедет в ремонтную мастерскую! Да и чинить-то там всего ерунда – подумаешь, фара. Непонятно, почему ваш муж вчера устроил такой шум! Да и виноват был, ясно, тот мужик, он валил отсюда сломя голову. Я ещё милицию хотел вызвать, но потом подумал, что лишняя морока мне не нужна... Так что ещё случилось?

– Этоя и хочу спросить. Понимаешь, мы с мужем разводимся, а он не сказал, при каких обстоятельствах повредил машину. А это очень важно. Я хочу, чтобы ты рассказал мне, что произошло вчера вечером.

– Ну... дамочка, я вообще ничего не помню!

Всёпоняла и протянула ему деньги. Парень ехидно осклабился:

– За это я и не вспомню вообще ничего!

– Сколько?

– Добавьте ещё столько же!

Я добавила.

– Ну ладно, слушайте. Было около шести часов. Ваш муж на красной «тойоте» пытался въехать на стоянку, когда из подворотни напротив выскочил этот мужик и завалился в свою машину. Мужик показался мне странным потому, что сжимал в руке фотоаппарат. И не маленький «кодак», даже не обычную мыльницу, а профессиональную камеру с настоящей подсветкой. Я нанеё особое внимание обратил потому, что у меня брат фотографией увлекается. Короче, бросился к машине. Его «мерс» тут давно стоял. Честно говоря, я не обратил внимания, когда он его ставил, я квитанции выписываю чисто автоматически, у меня от машин уже рябит в глазах. Он уселся в свою машину – старый мерс-двухсотка серого, какого-то грязного цвета, и как рванёт с места, даже не закрыв дверь! Ну и срезал по боковой «тойоту» вашего супруга, фара вдребезги. И сделали оба пробку – не съехаться, не разъехаться. Ваш муж вылез из «тойоты» и ну орать! Мужик вылез из машины, стал к нему вполоборота, и смотрит. Нехорошо так смотрел! Потом сунул свою визитку, что-то сказал. Ваш муж быстро замолчал и отъехал. Серый «мерс» мужика опять рванул с места. И, собственно, все. Но это точно мужик виноват! Он должен был смотреть в зеркало.

– Ты хорошо рассмотрел мужика?

– Высокий, под метр девяносто. Лет тридцати, тридцати пяти. Не коренастый, скорей, худой. Волосы тёмные, какие-то прилизанные, длинные. Глаза навывкате. Он был в темных джинсах, чёрной куртке. Да, ещё сапоги у него были такие... С подковами на каблуках. Когда бежал, подковы по асфальту цокали.

– Крутой по виду?

– Нет. Совсем нет. И одет не очень. И машина старая. Крутыеездят не на таких.

– Ты не запомнил номер?

– Этобудет стоять дороже, – парень хитро прищурился и назвал сумму. Пришлось уплатить.

– Если хотите, в качестве презента могу сказать про вашего мужа – в какую поехал мастерскую, я сам его туда отправил. На пятомкилометре возле вокзала есть СТО. Вот туда. Там самые классные мастера работают, и совсем недалеко. Если хотите подробностей, езжайте туда!

Итак, это было кое-что. Случайная автомобильная авария с человеком, которому мой псих торжественно вручил визитку. Маньяк с визиткой! Ничего себе! Я дала себе слово при первой же возможности поехать в это СТО. Кроме того, у меня был номер машины психа. Вещь довольно ценная, хотя и совершенно бесполезная в моих руках. У меня не было машины – я смертельно боялась водить и так и не смогла преодолеть панический ужас. Я боялась даже тогда, когда ехала в машине как пассажир. Так как я не причисляла себя к категории водителей,

то никаких связей в ГАИ у меня не было. Я дала себе слово узнать, кто из знакомых имеет связи в ГАИ – при первой же возможности (моя любимая клятва).

Прошло несколько дней. Я не смогла вырваться в СТО, потому что была завалена работой. До выставки в торговом комплексе оставались считанные дни. Так как вместо начальницы я занималась основной подготовкой, то буквально тонула в делах. Кроме того, начались неполадки с телевизионными счетами: кто-то что-то напутал, пришлось распутывать и эту историю. К концу недели я почти забыла о том, что со мною произошло. Правда, информация, почерпнутая мной на стоянке, была тщательно записана в подобие делового блокнота, который я всегда носила в сумке. И ждала, когда наступит её черед.

Тот день ничем не отличался от остальных. Так же, как и всегда, я ползком вернулась домой с работы. День был самым обычным – не лучше и не хуже, чем остальные. Поэтому я безумно удивилась, когда ещё в прихожей муж протянул мне пакет.

– Что это? – я не совсем отошла от работы, поэтому не сразу врубилась, что муж держит в руке.

– Это пришло сегодня днём на твоё имя. Почтальонша принесла. Ты же знаешь, как сейчас выслуживаются за каждый рубль. Вот и принесла домой.

– Но что это?

– Бандероль. Обычная почтовая бандероль. Довольно лёгкая по весу.

– От кого?

– А вот это, я надеюсь, скажешь мне ты.

Я взяла в руки пакет. Он был совсем небольшой. Завёрнут в коричневую бумагу, с кучей штемпелей. Заклеен. Адрес написан кривыми печатными буквами, чёрной ручкой. Правильно указаны индекс, город, улица, номер дома, квартира. И моя фамилия: Тимошиной Наталье лично. Адрес отправителя был следующим: индекс и название нашего города, улица Морская, дом 10, Гароев Р.В. Сначала я не могла прийти в себя от шока, но потом машинально воскликнула:

– Но ведь у Гароева совершенно другой адрес!

– Как, ты знаешь, кто это? – насторожился муж.

– Конечно. Это один из наших главных клиентов. Я веду его контракт и прекрасно знаю его адрес. Он живёт на бульваре Мира! Ни про какую Морскую улицу я и не слышала! К тому же, с чего вдруг ему посылать мне по почте какую-то бандероль? Это чушь, нелепость! У нас не настолько близкие отношения!

– Неужели? – усмехнулся муж. – И ты прекрасно запомнила его адрес? Адрес своего клиента, одного из многих? Ты помнишь в таких подробностях, где он живёт?

– Разумеется! Именно сегодня я занималась его контрактом. И потом, в нашем городе никакой Морской улицы нет! В нашем городе нет моря! Откуда же взяться морской улице?

– Разумно, – согласился муж, – да, я совсем забыл сказать. Бандероль была с уведомлением о вручении. Ты должна была расписаться. Я сделал это вместо тебя. Твою подпись может подделать кто угодно.

Это было правдой. Я расписывалась легко. Распечатала пакет. Под бумагой оказалась белая картонная коробка. Я раскрыла её...

– Так... – жутким тоном произнёс мой муж.

В коробке лежал запечатанный в фирменную упаковку флакон моих любимых духов «Пойзен». Я застыла с флаконом в руке...

– И ты хочешь сказать, что с этим типом ты не в настолько близких отношениях? – продолжал шипеть муж, – не в таких близких, чтобы он посылал тебе по почте флакон духов стоимостью в пятьдесят долларов?

– Послушай... – дар речи возвращался очень медленно, – я не понимаю, что происходит! Здесь какая-то ошибка. Гароев не мог послать мне эти духи! Я не знаю, кто... какая-то глупая шутка! Нелепость!

– Хороша шутка! Великолепный розыгрыш! Ни одна женщина не отказалась бы от такой нелепости!

– Духи предназначены не мне! Я не знаю, кто их послал!

– Но ведь на коробке прямо написано – Гароев.

Это был достаточно большой флакон, стоящий не меньше пятидесятидолларов. По виду духи не походили на подделку. Я распечатала их – натуральный аромат, настоящие духи высокого качества, совсем новые. Неужели Гароев действительно мог их послать? Мысль мелькнула внезапно, и я предпочла высказать её вслух:

– Послушай, но если действительно была с Гароевым в каких-то отношениях, он бы передал мне духи при встрече! Зачем посылать по почте? Тем более вот так, бандеролью, которая может пропасть? Где ты такое видел?

– Честно говоря, нигде! Я нигде не встречал такой грязной, отталкивающей лжи! Ты просто дешёвая необразованная шлюха, которую я вытащил с панели!

– Не смей! У тебя нет повода так меня оскорблять!

– Нет повода? Да за такое большинство мужчин уже выкинули бы тебя вон за дверь вместе с твоими дешёвыми турецкими шмотками с базара! Твои вещи такие же дешёвые, как и ты сама! Шлюха, дура без капли мозгов!

– Я же ничего не сделала! Из-за чего ты взбесился? Из-за какого-то дурацкого флакона?

– Я и так относился к тебе слишком по-доброму! Пора это изменить!

– Да, действительно! Только менять буду я, потому, что до сих пор жалею, что вышла замуж за такого урода!

– А кому ты вообще была нужна?

Я вылетела из комнаты, не способная больше продолжать разговор, по-прежнему сжимая в руке злополучный флакон. Я не давала ни малейшего повода для ревности! С Гароевым у меня не было никаких отношений! Он не был моим любовником, я никогда не думала об этом! Кто мог послать мне флакон духов?

Я схватила телефон и набрала номер Гароева. Трубку сняла женщина, очевидно, его жена. Он подошёл к телефону буквально через пару секунд, и был очень удивлён звонком. Мы говорили недолго. Он клялся, что не посылал никаких духов. Кроме того, он не знал моего домашнего адреса и не знал о моих парфюмерных пристрастиях. Тон его был сначала удивлённым, потом уверенным. У меня не было повода заподозрить его во лжи. Я закончила разговор в полной рассеянности. Если не Гароев, то кто? Но, кто бы там ни был, я решила оставить у себя странный подарок.

Ответ пришёл ночью, совершенно неожиданным образом. Мне приснился тот самый сон. Человек, который был для меня больше, чем Богом. Тот, кто даже в снах уходил далеко. А ведь действительно – такие розыгрыши были вполне в его характере! Поссорить меня с мужем, ни для чего, просто так. Пятидесятидолларов для него не деньги. Несколько месяцев назад он был клиентом нашего агентства, правда, вела контракт не я. Но ему ничего не стоило узнать мой домашний адрес. И он был единственным человеком, который знал, что я люблю именно эти духи. Последняя мысль была самой верной. О моих любимых духах не знал даже муж. Привыкнув жить не бедно, я собрала целую коллекцию духов, настоящая армия флаконов на туалетном столике – и дешёвых, и дорогих. У меня были любые духи, кроме этих. Я прекратила ими пользоваться сразу после разрыва с ним. Потому, что слишком напоминал о нем запах. Он подсмеивался над моим пристрастием: «ты сама ядовитая, поэтому душишься ядом...» Ядом. Господи, как же всё было давно....

Я села на постели с горящими глазами. Он! Больше никому! Это он!

Не откладывая дела в долгий ящик, в три часа ночи я бросилась к телефону. Его не было, я оставила сообщение на автоответчике: «как можно скорее ты должен мне позвонить».

Потом была встреча в кафе. И прошло время. У меня не было никаких доказательств, и не в чем было его винить. Он делал вид, что совершенно не причастен к тому, что со мной происходит. Даже к тому, что накануне нашего свидания в три часа ночи раздался телефонный звонок. Мой муж схватил трубку. Мужской голос попросил к телефону Наташу. Я ответила сонным голосом – я ещё крепко спала. Но слова меня разбудили.

– Ты сука, – сказал голос, – ты, сука, за всё ответишь! Очень скоро ответишь! Поняла? Это был тот же самый голос, что звонил на работу. Я узнала сразу.

– Кто вы такой?

– Какая тебе разница, сука? Тот, кто звонит сказать: скоро ты за всё ответишь, за всё сразу!

– За что?

– За то, что ты сделала!

– Что же я сделала?

– Ты грязная сука! Я тебя предупреждал: оставь всё в покое! Ничего не делай, а ты... Я тебя убью, гадина! Очень скоро!

И швырнул трубку. Я разревелась. Муж встревожился.

– Он сказал, что меня убьёт... убьёт... на этот раз...

– Ничего страшного, – муж пытался меня успокоить, – тот, кто так говорит, никогда этого не сделает! Это ерунда, пустые слова! Но если очень хочешь, позвони следователю – может, это тебя успокоит?

Я пообещала позвонить, зная, что не позвоню никогда.

Следующей ночью раздался новый телефонный звонок. Ровно в три часа ночи. Прежде чем схватить трубку, я посмотрела на электрические часы. Проснулись оба, и с каким-то недоуменным недоверием уставились друг на друга. Потом я протянула руку к телефону. Тот же самый голос:

– Этоты, сука? Я тебя убью!

Мои нервы не выдержали. Может, этого не стоило делать, но я вышла из себя... Меня бесило до неприличной степени всё: тусклый свет ночной лампы, белый пододеяльник, вынужденная бессонница и ненормальное желание спать, от которого слипались глаза, жёлтое злобное лицо мужа с выпученными глазами, по которым я читала предстоящий скандал... Всё вокруг было невыносимым, и я уже не могла себя контролировать... Я заорала истерически, с надрывом:

– Этоя тебя убью, придурок! Найду и убью сама!

Голос на том конце провода был так же спокоен:

– Что ты сказала, сука? Повтори!

– Я убью тебя, придурок! Убью за это! Ты не понимаешь, что делаешь! Ты играешь с огнём!

Смех, сытый довольный смех, который я никак не могла объяснить – и щелчок, когда урод бросил трубку. Следующим этапом был мой муж, сказавший:

– По-моему, ты сходишь с ума.

– Что ещё я могла сделать? – зло огрызнулась.

– Ты звонила в милицию? Обещала же позвонить!

– Нет! Никуда звонить я не буду! Я сама найду этого придурка и никого не хочу вмешивать!

– Всё это похоже на дурацкий розыгрыш, инициаторами которого были ты и твой любовник.

– Ты прекрасно знаешь, что у меня нет никакого любовника!

– Тот, прежний... А ты прекрасно знаешь, о ком именно я говорю.

– Почему?

– Только он способен на такое! Ты с ним виделась?

– Нет!

– Опять ложь! Тебе не кажется, что мы совершенно разные люди?

– Кажется! Мне звонят по телефону и угрожают убить, а ты не делаешь ничего, чтобы меня успокоить и морально поддержать!

– Ты сама виновата во всём, что с тобой происходит! Только ты и больше никто! Ты одна!

Я одна... Больше я не спала, несмотря на то, что существовать без сна было мучительно. Но ещё большее было тихонько лежать в темноте и прислушиваться к мирному дыханию спящего рядом врага.

С тех пор прошло несколько дней. Я немного успокоилась. Звонков больше не было, и жизнь вошла в привычную колею. Никто не присылал духов по почте, но я подозревала, что муж долго не сможет прийти в себя. Как ни странно, я не видела и Гароева: он не появлялся в офисе, хотя давным-давно вышли все сроки его поездки. Дошло до того, что начальница вызвала меня в кабинет и в категорической форме заставила разобраться с этим вопросом. После чего я принялась истерически звонить Гароеву домой. Мне не везло. Я не попала на него ни разу. Несколько раз трубку брала жена и отвечала, что его нет дома. Однажды я представилась и попросила передать, чтобы он поскорее решил вопрос с поездкой. На что жена удивлённо заявила, что никуда ехать он не собирается, и что его не интересуют никакие рекламные проспекты. Очевидно, она приняла меня за рекламного агента. Было ясно, что о своих поездках Гароев молчал. А несколько раз вообще никто не брал трубку. И я отложила в сторону его контракт. Было обидно. Ведь именно на этом контракте я могла неплохо заработать. Прошли дни, и я почти восстановила спокойствие. Я не виделась также с прежним любовником. Удивляясь немного, что спустя столько лет остался прежним его номер телефона, хотя за эти годы он мог поменять сотни квартир.

Я тосковала о нём, как тоскуют о привычном лёгком дискомфорте, в котором ни одна из вашей не находится на положенных местах. Когда-то давно он был болью, но боль преломляется в наслаждение всякий раз, как ты её хочешь. Он больше не был моей болью, но я по-прежнему хотела только его. Может, именно поэтому я с трудом могла смотреть на мужа: в нём яснее всяких слов я видела то, чего лишилась. Ни одно из сравнений не было в его пользу, и от этого в душе моей постоянно присутствовала тоска.

В то утро Ольга Павловна влетела, как фурия, в мой кабинет.

– Ты наконец-то разговаривала с Гароевым?

– Нет, мне не удалось ему дозвониться.

– Безобразие! За что я только тебе плачу! Мне нужно знать в точности, что делать с его контрактом! Кроме того, я должна урегулировать счета с модельным агентством на следующий месяц! А как я могу это сделать, если в воздухе висит наш лучший контракт!

– Прекратите истерику! К концу дня я постараюсь что-то выяснить.

– Уж будь добра! У вас ведь близкие отношения! Неужели ты не знаешь, где его найти?

– Близкие отношения? – я обомлела. – С чего вы взяли?

– А разве нет? Ведь он посылает тебе духи!

– Откуда вы знаете? И при чём здесь вы?

– Ну, знаешь, дорогая! На прошлой неделе у меня был твой муж!

– Муж?! – новость дала словно обухом по голове.

– Конечно! Приехал как-то днём, когда ты смоталась на какую-то встречу и сидел у меня в кабинете целый час. Всё пытался выяснить, кто такой этот Гароев и что тебя с ним связывает. И рассказал, как он прислал по почте духи. А твой муж ничего! Представительный мужчина! Только немного занудный. Честно говоря, его невозможно долго терпеть. Всё пытался

узнать, чем мы точно занимаемся и даже хотел потребовать какие-то документы. Конечно, я его выпроводила, но подумала, что у тебя с этим Гареевым что-то есть, и он взял след.

– Ничего у меня нет с Гареевым!

– Будешь сказки рассказывать! Если уж твой муж забегал, как придурак...

– Как он смел! За моей спиной...

– Мне бы тоже хотелось это знать! У меня своих проблем по горло, а тут ещё разбирать, с кем спит каждый из сотрудников! Будь добра, передай ему, чтобы он визиты сюда прекратил. В конце концов, я могу в любой момент отдать тебе твою часть и иди ищи другое место работы! Твои деньги больше не представляют для меня интереса!

Это была слишком реальная угроза, чтобы я могла её пропустить. Я вся горела! Сам того не ведая, этот подлец оказал мне жуткую медвежью услугу. Моя начальница терпеть не могла лишних проблем. И ещё она не переносила, чтобы так ярко светились личные связи сотрудников с клиентами. Тут была не связь, лишь громкое подозрение, но... А одного подозрения для неё было достаточно, чтобы вышвырнуть меня вон! Ведь официально мы считались почтенным, чуть ли не семейным агентством! А тут такое... Да ещё муж... Мне было жутко обидно, хотелось разорвать обоих: и Гареева, и недоделанного супруга! Но руки мои были связаны боязнью вызвать ещё более громкий скандал, поэтому всё, что я сделала – снова позвонила Гарееву домой. В конце концов, я даже задумалась: а не вступить ли с ним в связь на самом деле, ведь Гареев довольно привлекательный мужчина? В квартире никто не брал телефон.

Я в бессчётный раз нажимала на кнопки, когда на пороге возникла секретарша.

– Наташа, тут тебе довольно странная посылка! Иди, посмотри.

– Какая ещё посылка? – этого было достаточно, чтобы совсем обалдеть.

– Длинная, тонкая... Иди, посмотри! Лежит в приёмной.

– От кого?

– Обратного адреса не написано. Что долго рассказывать? Иди, посмотри!

Я пошла. На столе у секретарши лежала длинная белая коробка, чуть побольше той, в которой прислали духи. Я взяла её в руки. на грязноватом картоне не было никаких пометок.

– Она пришла не по почте?

Секретарша с огромным интересом следила за мной. И словно ждала вопрос:

– Нет. Её принёс парень. Молодой парень в синей джинсовой куртке. Похож на студента. Спросил: Тимошина Наталья здесь работает? Я говорю: здесь. Он: передайте, тут ей пакет. И протягивает коробку. А я: от кого? А он говорит: сама узнает. Там внутри написано. Ты посмотри.

Коробка не была заклеена. Я быстро открыла. В белый листок бумаги (стандартной офисной бумаги, стандарт А4) был завернут... мужской галстук в красную и чёрную полоску. Старый, завязывающийся галстук! Почему старый? На сгибах завязки он был потёрт в нескольких местах. Кроме того, он лоснился от жира, а на лицевой стороне виднелось несколько жирных пятен. Онемев от неожиданности, я застыла с самым идиотским видом, сжимая галстук в руках...

Шок был не только у меня. Накрашенные ресницы секретарши резко взлетели вверх и так застыли. На нас уже заглядывались остальные сотрудники. Это немного вернуло мне дар речи, и первое, что я сделала, громко вскрикнула:

– Что за нелепость?!

Секретарша в тупом недоумении захлопала глазами. Я потрясла коробку над столом. Больше там ничего не было: ни карточки, ни какой-либо записки. Лист бумаги так же был абсолютно чист – ничего, что могло бы натолкнуть меня на след! Я решила повнимательней рассмотреть галстук. Он действительно был старый и грязный. От него исходил какой-то неприятный запах. Я понюхала жирные пятна. Их вид и «аромат» напоминал... засохший майонез.

– Бред какой-то! – я потрясла галстуком, – ничего не понимаю! Натуральный бред!

- Ты не знаешь, от кого это? – к секретарше наконец-то вернулся дар речи.
- Понятия не имею!
- Ну тебе и поклонник! Я понимаю, духи, конфеты, цветы... А тут – засохшее старье!
- Какой поклонник?! Я этот галстук вижу в первый раз в жизни!
- Да кому в голову придёт такое посылать?
- Это я могла бы и у тебя спросить!
- Секретарша подозрительно принохалась:
- И воняет как-то.... маслом? Или майонезом? Бр, гадость какая!
- У кого-то большие проблемы с мозгами и с чувством юмора! Тот, кто это сделал, нуждается в хорошем враче!
- А между прочим, галстук недешёвый!
- Откуда ты знаешь?
- Вон, внизу, фирменная этикетка! Я мужу на день рождения купила точно такой. Тот, кто носил этот галстук, явно не бедный! Стоит дай Боже! И продаётся только в фирменных магазинах. А этот тип взял и заляпал такую вещь едой! А стирать его вообще нельзя. Галстук испорчен.
- Какого же черта присылать его мне? Чья-то нелепая шутка.
- Не знаю, что и сказать. Я такой в первый раз вижу!
- Что ты в первый раз видишь? – сбоку возникло чьё-то строгое и злое лицо. Я вздохнула: не везёт – так уж крупным планом! И надо было ей возникнуть именно сейчас...
- Ничего, Ольга Павловна... – секретарша стушевалась и даже стала как-то меньше, – вот тут Наталье пакет прислали... просили передать...
- Ну и кто тебе, Тимошина, прислал такую гадость? – скривилась начальница, – да ещё в рабочее время? Кстати, что с контрактом Гароева? Ничего? А всё потому, что вместо того, чтобы сосредоточиться на работе, ты занимаешься своими личными делами! Я не потерплю, чтобы ты выясняла личные отношения и что-то наш адрес твои любовники присылали свои старые вещи! Ещё раз такое увижу...
- Это не мой любовник! Я не знаю, кто это послал!
- Мне всё равно! Здесь не барахолка! И не лавка старьевщика! Ты забываешься! У меня не железные нервы! Ещё раз такое увижу, вышвырну отсюда к чёрту!
- Разумеется, никуда бы она меня не вышвырнула, но было просто ужасно, что такой разнос она устроила мне в присутствии подчинённых.
- Тимошина, ты всё поняла? Я тебя предупреждаю в последний раз!
- Этого больше не повторится! – покраснев от досады и злости, я размахнулась и бросила в мусорный ящик злополучный пакет. Потом, дрожащая, вернулась в кабинет. Я пыталась взять себя в руки, когда раздался звонок и мне сказали, что меня зовут к телефону:
- Ты получила пакет?
- Голос был тот же самый. Мне казалось: теперь я буду узнавать его даже во сне.
- Зачем вы это делаете? Что всё это значит?
- А ты не знаешь?
- Нет!
- Ты никогда не была в Колумбии?
- Что?!
- Знаешь, если кто-то встаёт поперёк горла, ему посылают галстук.
- Я не понимаю...
- А ты спроси кого-нибудь.
- В трубке раздалась короткая гудка.
- Ты сильно занята? – в дверь кабинета заглянул Вадик, художник, который нёс на подтверждение несколько эскизов нового рекламного проспекта.

– Нет, заходи. Ты когда-то слышал такое выражение: колумбийский галстук?

– Ну, это просто! В любом фильме про мафию есть!

– Что это означает?

– По фильмам, так это распространено среди членов мафии. Если кто-то из них нарушил законы, в знак предупреждения ему приносят пакет, в котором лежит старый галстук. Это своего рода предупреждение о том, что он делает что-то не так, и что поведение желательно изменить. Если он не исправляется, то над ним совершают казнь: разрезают горло и через этот разрез высовывают язык... А какое отношение колумбийская мафия имеет... Боже, Наташа, тебе плохо?! Может, принести воды?

Наверное, я меняла цвета, как гирлянда на новогодней ёлке: от красного и жёлтого до белого и зелёного. Зелёный соответствовал моему состоянию больше всего. Перед глазами всёплыло...

– Нет, ничего страшного... Голова разболелась... Что ты принёс?

Тут же от неловкого жеста на пол полетела моя раскрытая сумка, из которой вывалилось содержимое... Вадик бросился помогать, а потом тактично заметил:

– Знаешь, мне не к спеху. Я зайду в другой раз.

Порывшись как следует в сумке, дрожащими руками я вытащила визитку и набрала указанный там номер:

– Капитана Никитина, пожалуйста... Это Тимошина Наталья... Помните?

– А, маньяк с фотоаппаратом! Кто это был, вспомнили?

– Честно говоря, нет...

– Знаете, подобных случаев у нас больше зарегистрировано не было. Так что скорее всего это был какой-то ваш знакомый, который решил пошутить или напугать...

– Я звоню не из-за той истории! По другому поводу...

– Что ещё случилось?

– Сегодня мне прислали в офис галстук, а потом позвонили и сказали, что он колумбийский...

– Кто позвонил?

– Откуда мне знать?!

– Ну и что случилось?

– Как вы не понимаете: мне прислали галстук...

– Я всепонимаю: кто-то подарил вам импортный галстук производства Колумбии... Хм, хотя Колумбия славится наркотиками и кофе! А милиция тут при чем?

– Как это при чем?! Вы что, не понимаете?!

– Послушайте, успокойтесь и объясните толком, что я должен понимать?!

– Колумбийский галстук посылают члены мафии как предупреждение. А если человек не изменяет поведения, над ним совершают казнь: разрезают горло и просовывают туда язык...

– Что вы пили?

– Ничего...

– Водка? Таблетки?

– Да я вообще не пью! И не наркоманка!

– Тогда вы в своём уме?

– Почему?

– Вы звоните капитану уголовного розыска и рассказываете какую-то странную историю про колумбийскую мафию... как сюжет дешёвого американского детектива... Вот я и спрашиваю: вы вообще-то в своём уме?

– Но мне сегодня прислали галстук! В офис! Я могу показать коробку!

– Просто у кого-то из ваших знакомых плохо с чувством юмора! Кто-то решил над вами подшутить! Вы член мафии?

– Нет.

– А вы были в Колумбии?

– Нет...

– Тогда поменьше смотрите телевизор!

– Но послушайте...

– Нет, это вы послушайте! Я устал после дежурства и не в том настроении, чтобы выслушивать по телефону дурацкие истории! Совесть нужно иметь! А если у вас плохо с головой, обратитесь к врачу! Я не психиатр! Я вам помочь ничем не могу!

– Что же мне делать?

– Выпить валерианки и лечь спать!

И бросил трубку. Сначала мне хотелось расплакаться. Но потом я подумала, как, должно быть, выгляжу в глазах капитана. Колумбийская мафия с ужасными казнями... У кого-то действительно плохо с чувством юмора. Кто-то насмотрелся дешёвых гангстерских фильмов и решил пошутить! А я... Боже мой... Зачем я позвонила в милицию? И, так как я всё-таки была разумным и самостоятельным человеком, на всё происходящее у меня возникла совсем другая реакция: истерический смех.

– Наташа...

Я обернулась. Он стоял на тротуаре, напротив, там, где я так мечтала его видеть. Но не видела. Никогда. Этот момент снился мне столько раз, что, когда всё произошло в реальности, я так и восприняла его – как картинку из сна. Он был такой же, как и в кафе. Он совершенно не изменился, разве что был немного больше растерян.

– Наташа! Пожалуйста, подойди сюда!

В его лексиконе не существовало слова «пожалуйста», и это означало, что произошли крупные перемены.

– Я думаю, нам не о чем говорить!

– Но ты можешь хотя бы подойти поближе?

– Зачем?

– Ну... чтобы со мной поздороваться..

– Здравствуй, – и пошла вниз по улице. И спиной почувствовала, что он плетётся сзади, след в след.

– Наташа... Ты можешь на минутку остановиться?

– Ты ходишь пешком? Вот уж не думала, что умеешь! Ты – и без машины!

– А моя машина совсем рядом. Здесь... – и махнул рукой на новенький полированный корпус красной спортивной машины, отличающейся от всех остальных.

– Что ты от меня хочешь?

– У меня большие неприятности. Мне нужна твоя помощь!

– Помощь? И это после твоего хамства в кафе?

– Ты же добрый человек!

– Там, в кафе, мне тоже нужна была помощь!

– Наташа, пожалуйста!

– Обратись к той, с кем ты спишь!

– Среди всех моих женщин ты – самая умная!

– Я не твоя женщина.

– Неправда! Ты всегда будешь немножко моей, как и я – твоим.

Ещё месяц назад я бы заложила душу за эту фразу. Но теперь в воздухе было что-то насквозь фальшивое – настолько фальшивое, что окружающий нас вечер с машинами, домами и снопом горящих ночных фонарей казался лишь театральной декорацией, давным-давно выброшенной на свалку. Я не знала, как это произошло, но именно в тот момент я впервые почувствовала в себе всёвозраставшее чувство тревоги. Так чувствует себя человек, который

подозревает в глубине собственного тела страшную неизлечимую болезнь. Вроде бы ты здоров, и мир вокруг прежний, но только ощущаешь, что из крохотной клеточки в глубине разрастается чудовищная тёмная опухоль... И первым, на что она повлияет, будут глаза. Потому, что в тот самый момент ты станешь видеть мир абсолютно по-другому. Для тебя этот мир навсегда потеряет прежний облик. И отныне так будет до самого мучительного конца. Я пережила достаточно спокойно и странную историю с «фотоаппаратным» маньяком, и с телефонными звонками, и с посылками... Я попыталась воспринять эту историю, как нормальный человек в здравом уме. Но никогда в душе не было такого мучительного чувства тревоги, как в тот момент, когда в сумраке наступившего вечера я увидела стоящую напротив фигуру и сказала самой себе, что это – неправильно. Неправильно! Как совершать безумно глупый поступок и точно знать о том, что никогда не сможешь ничего изменить.

В тот момент мне захотелось бежать, и я инстинктивно сделала несколько шагов по тротуару. Передо мной во всей красе сиял существенный выбор из двух возможностей: бездна пропасть, почти одинаковой глубины. Броситься к нему – скатиться по острым выступам бездонного горного ущелья. Уйти от него – ещё больше себя поранить, буквально разорвать тело о режущие выступы камней. Думая так, я застыла на месте, каким-то шестым чувством подзревая, что поступаю неправильно. И только ощущение тревоги росло и крепло, как внезапно нахлынувшая головная боль. Пока я мучилась сомнениями, он бросился ко мне и даже схватил за руку, и когда его пальцы прикоснулись к моей коже, я вдруг поняла, что уже – поздно, и от этого что-то пронзительно и надрывно зануло в душе. И не потому, что прикосновение его рук было похоже на разряд электрического тока, насквозь протаранившего мою кожу. А потому, что я поняла: существует и третья возможность выбора, третья пропасть – остаться с ним, и умирать от неизмеримой сладости прикоснувшихся, случайно или намеренно, его рук...

Он попытался развернуть меня в круг света уличного фонаря, чтобы прочитать на моём лице, появилась ли у него возможность. От того, что он так трагически ждал моих слов, его лицо стало ещё более растерянным. Я почти сдалась, и он понял это, когда услышал:

– Что ты хочешь?

И буквально силой увлёк меня вниз по улице, приговаривая:

– Всего на пару минут...

Внутри машины было тепло, и сквозь плотные стекла почти не доносились звуки окружающего мира. Мягкие сидения пахли свежим винилом. Я удобно откинулась в кресле.

– Ты процветаешь. У тебя роскошная машина!

Он махнул рукой, словно дорогая спортивная модель была самой обыкновенной вещью в мире. Я усмехнулась: время, деньги, всёпройдёт, а он навсегда останется таким....

– Может, поедem ко мне? – его голос прежде не звучал так просительно. И это позволило проявить мне приятную твёрдость:

– Нет. Я предпочитаю говорить здесь.

– Прежде ты не была такой непримиримой...

– У меня мало времени. Говори, что случилось, иначе я выхожу.

– Хорошо. Я попал в очень тяжёлую историю. У меня большие неприятности. Ты знаешь человека по фамилии Гароев?

– Да вы что все, совсем с ума сошли?!

– Что ты имеешь в виду? – на его лице было написано недоумение. – Ты его знаешь?

– Да целый день слышу: Гароев, Гароев... Ну на работе – понятно, есть причина. А ты при чём?

– С Гароевым у меня были деловые отношения... некоторого рода дела... так сказать... в общем, я должен ему денег...

– Ну и что?

– Я должен ему довольно крупную сумму. Эти деньги нужно было вернуть ещё на прошлой неделе. А у меня нечем платить...

– А я тут при чём? У меня нет денег!

– Я знаю, дело не в этом! Я подумал, может, ты что-то про него знаешь... например, про его поездки... что-то, чем я мог бы прижать его к ногтю... немного закрыть рот и временно не платить...

Наверное, моё лицо выражало довольно пёстрый переход от удивления к искреннему недоумению, а потом и сочувствию, с каким приятно смотреть на душевнобольного человека. Он даже растерялся:

– Ты меня понимаешь? Неужели я сказал что-то не то?

– Ты в своём уме?

– Наверное, я не совсем ясно выразил мысль. Дело в том, что одна из девушек вашего модельного агентства – дочь делового партнёра Гароева, человека, которого он боится. Отец не знает о её поведении, девушка развлекается... если бон узнал, что его дочь развлекается с Гароевым, он стёр бы того с лица земли. Так вот: если бты могла устроить, чтобы в поездку с Гароевым поехала именно эта девушка, то в гостиничном номере я смог бы снять их на скрытую видеокамеру. А потом кассетой припугнул бы Гароева: или он прощает мне долг, или я вручаю кассету её отцу...

– И как я могу это сделать?

– Ведь именно ты занимаешься поездками Гароева. Его последней поездкой. Я сказал бы тебе, какая именно девушка, и ты отправила бы её с ним...

– Откуда ты знаешь, что я веду его контракт?

– Небольшая сумма денег твоей начальнице, директору агентства... Она сказала обратиться к тебе. Она обещала, что будет всячески тебя подгонять. А ты за деньги сделаешь всё, что угодно. Она не знала, какие нас с тобой связывают отношения... Так что мне повезло!

– Связывают?

– Ну, связывали... Мы ведь были так близки друг другу. И ты всегда, если честно, жила в моей душе. Я всегда тебя любил! Ты ведь не откажешься мне помочь?

– Откуда ты узнал про девушку?

– Нанял людей...

– Что будет, если ты не вернёшь деньги Гароеву?

– Он меня убьёт!

– И правильно сделает!

– Не понял?

– По-моему, я выразилась достаточно ясно! Я пальцем о палец не ударю, чтобы тебе помочь!

– Ты отказываешься?! Ты хоть понимаешь, что со мною будет?!

– Честное слово, мне на это плевать!

– Но ведь меня убьют!

– Мне плевать!

– Может, тебя интересуют деньги...

– От тебя я ничего не приму. Даже если быты предложил мне миллион долларов.

– Неужели ты совсем меня не любишь?

– Разумеется! Ты и раньше не вызывал во мне особых эмоций, а сейчас ты мне просто-отвратителен!

– Что ты делаешь?! Ты ведь меня убиваешь! Вместе с Гароевым!

– Тебе наверняка сказали, что я его любовница?

– Ну, сказали! А разве это не так? Зная тебя, в это достаточно просто поверить!

– ЗНАЯ МЕНЯ??!!

Это было последней каплей... я сжала в руках ручку и даже попыталась двинуть дверцей изо всех сил:

– Всё, прощай.

– Наташа! – он истерически схватил меня за край плаща. – Но ведь это так просто! Я назову тебе имя девушки! А ты представишь её Гарюгу! Ведь это просто! Любимая, только ты можешь меня спасти! Родная, пожалуйста! Я для тебя сделаю всё, что угодно! Я всегда буду тебя любить!

– Ничтожество! Не смей взывать к чувству, о котором ты ничего не знаешь!

– Неправда! Я тебя люблю и всегда любил!

– Подонок! Пошёл к черту!

Я все-таки красиво хлопнула дверцей. Сквозь тёмное стекло машины виднелось искажённое ненавистью его побелевшее лицо.

– Сука! Ты ещё пожалеешь! – он высунулся из машины наполовину. – Я сам тебя уни-чтожу!

Не оглядываясь, я быстро побежала вниз по улице, задыхаясь от целого моря нахлынувших на меня чувств. Обида, ненависть, горькое разочарование, боль прошлого – всё это, слившись воедино в змеиный клубок, шипело и пронзало мозг тысячей разъярённых жал, оставляя болезненные воспалённые точки обманутого самолюбия, с которым я почему-то не могла примириться. Можно подумать, я не знала, что он никогда меня не любил! Тем не менее, задыхаясь, я бежала по улице. Кое-кто из прохожих подозрительно оглядывался мне вслед.

В моей жизни было слишком много бессонных ночей. И я переживала их довольно легко: как нечто, не особо неприятное. Но никогда не было ощущения, чтобы постель жгла. И чтобы среди собственных простыней я металась, как на раскалённой решётке. Мне было почти физически больно от осознания странной проблемы, которую я не могла разрешить. Глаза, единственные глаза, которые я хотела видеть рядом с собой... Знакомые руки, мягкие волосы... Я засыпала, задыхаясь от счастья: мне казалось, что я по-прежнему вдыхаю их аромат. Потом, когда глаза мои сливались с окружающей тьмой, я слышала злобные слова, сказанные кем-то, и просыпалась от боли, калечащей мучительной боли, единственной, что могла подарить мне реальность.

Я не спала всю ночь, и встала с постели ровно в пять утра. Потом наскоро причесалась, надела макияж и поехала к его дому. Несколько лет назад он купил квартиру в самом центре города, в старинном трёхэтажном особняке. Три больших комнаты (две смежных, одна отдельная) с евроремонтом. Площадь была значительной, учитывая, что он жил один. Но дела его шли прекрасно, и он вполне мог позволить себе некоторую роскошь. Я была в этой квартире всего один раз. До замужества. До прервавшейся трагедии наших отношений. Была не для того, чтобы выразить восхищение его новой покупкой (машину я уже видела прежде) и даже не для того, чтобы заняться любовью. В тот страшный день я сидела в его квартире на мягком велюровом диване и чувствовала себя как боксёр, получивший нокаут... Так, словно у меня разбито лицо и сломаны ребра, и на глазах у бешено ревущей толпы я мучительно захлёбываюсь собственной кровью...

Улицы были пустынные, и на многие кварталы раздавался стук моих каблучков. Я дошла очень быстро, по дороге точно сформулировав, с чем я туда войду. Я войду и скажу: «несмотря на всё, я сделаю это». Сделаю потому, что в глубине души всё-таки его люблю. И какое значение имеют те тайны, которые скрываются в нашем прошлом. Рассуждая так, я подбежала к его парадной и... Возле самых дверей стояла его машина. Я посмотрела на часы: ровно без четверти шесть (5.46, если быть совсем точной). Я удивилась: прекрасно изучив его привычки, я знала, что он никогда не оставляет на ночь машину возле дверей парадной. Где-то неподалёку (кажется, в одном из соседних домов) находился гараж. Он всегда оставлял машину в гараже, даже если собирался куда-то рано утром.

Я медленно обошла вокруг машины. Стекла были тонированы, и было невозможно заглянуть внутрь. Кроме того, двери парадной были с кодом, а я не знала его. Первое серьёзное препятствие, с которым столкнулась. Как полный придурок, я застыла перед входом. Что делать? Не уходить же обратно, если решила согласиться? Можно подумать, согласие далось мне легко... Я осмотрелась. Вход в квартиру был через парадное, которое выходила прямо на улицу. Рядом с парадным был подъезд дома, ведущий во двор. Одна створка двери ворот подъезда была приоткрыта.

Я зашла туда и прикрыла створку ворот за собой. Теперь я могла прекрасно видеть всё, что происходит на улице, кто входит и выходит из парадной, оставаясь, незамеченной. Сквозь чугунный орнамент решётки смотреть было легко. Я оглянулась: мне повезло. В пустынном дворе не было никого, даже дворника. Я не знала, чего именно жду. Нотак как необходимо было найти логическое объяснение происходящему, я сказала себе, что, как только кто-то приблизится к парадной, вслед за этим человеком войду и я. В тот день было воскресенье, и я не спешила на работу.

Ждать пришлось недолго. Из моего укрытия было прекрасно видно, как распахнулись двери парадной... показался мой бывший любовник под ручку с долговязой девицей лет двадцати, с длинными крашеными патлами под яркую блондинку. Девица была в мини-юбке, на высоченных каблуках, похожих на ходули (ровно на голову выше, чем он) и во всей её долговязой худой фигуре было что-то кобылье. Она пыталась улыбаться, распахивая ряд зубов, и так, с раскрытым ртом, точно была похожа на глупую молодую кобылу. Не блистала красотой. Мне она показалась просто противной. Оба направлялись к машине. Он галантно поддерживал рукой её уродливые худые бедра.

– Сейчас я отвезу тебя домой... – по его ленивому тону было понятно, что от лошадиной девицы он уже получил всё, что можно.

– Котик, значит, ты мне обещаешь?

Котик! Я хмыкнула.

– Конечно, детка! Эта дура моя знакомая и сделает всё, что угодно.

– А ты уверен, что она сможет устроить меня именно в это модельное агентство? Там хорошо платят, поэтому туда так трудно попасть.

– Конечно! Я же тебе сказал: эта дура моя приятельница. Она совладелица туристического агентства «Магнолия», а их контора работает именно с этим модельным агентством. Она влюблена в меня по уши, мозгов не имеет, и, кроме того, сделает ради меня всё, что угодно, стоит её только пальцем поманить. Так что место на обложке их проспекта тебе обеспечено!

– Здорово! А она молодая?

– Двадцать восемь или двадцать девять, точно не помню. Но она замужем. Она в своей фирме крутая шишка!

– Котик, а ты меня не обманываешь?

– Светочка, детка, ну ты же самая умная из всех моих женщин! Подумай, зачем мне тебя обманывать?

Кобыла по имени Светочка довольно заржала. Оба уселись в машину. Взревел мотор. Дурочка из туристического агентства «Магнолия» была я. Дура, замужем, двадцать девять, которая ради него сделает всё, что угодно.

Машина скрылась за поворотом. Он знал. Знал, что приду или позвоню – сегодня, завтра, рано или поздно. Знал, что сделаю ради него всё. Абсолютно всё. Влюблённая дурочка без капли мозгов, крупная шишка в туристическом агентстве «Магнолия». Мне хотелось плакать, но у меня не было слез. Потом на место первому всплеску отчаяния пришло что-то вроде ярости. Ну хорошо, я ему покажу! Я ему сделаю, он меня надолго запомнит! Значит, сначала услуга с Гареевым. А потом он собирался просить меня устроить в агентство эту лошадиную дрянь! Устроить свою любовницу по благу дорогой проституткой! Если бы могла, то эту дуру

стоило пожалеть! Наверняка, отправляясь в постель с ним, она была уверена, что попадёт не на панель, а на обложку престижного дорогого журнала!

Вне себя от ярости, я вернулась домой. Муж уже поджидал меня – с халатом и чашкой кофе.

– Где ты была? Куда сорвалась чуть свет? – он держал перед собой мой халат словно щит, словно с халатом становился менее уязвимым.

– У меня сильно болела голова, я не могла спать и вышла подышать свежим воздухом.

– Вышла подышать? Да раньше одиннадцатив воскресенье тебя с кровати невозможно стащить!

– Мне было плохо. Головная боль многое меняет.

– И поэтому ты так тщательно накрасилась?

– По привычке. Я всегда крашусь.

– Да, хоть и с косметикой, но выглядишь ты неважно. Совсем плохо, если честно! Может, вызвать врача?

Я категорически отказалась от врача и потянулась к телефону. Трубку долго никто не снимал. А потом мою барабанную перепонку пронзил такой сварливый голос, что я пожалела о решении позвонить. Когда я представилась, голос буквально взорвался:

– Ты что, идиотка, совсем с ума сошла?! Какого черта трезвонишь в такую рань в воскресенье?!

Моя начальница и компаньонка по бизнесу Ольга Павловна не отличалась хорошим характером и воспитанием. Честно говоря, её характер был просто отвратительным. А хорошее воспитание и бизнес вообще понятия не совместимые. Говорят, к старости человек становится гораздо хуже, чем был. Я в это не верю. У меня своя теория на этот счёт. В старости человек остаётся таким же, каким был в молодости. С единственным исключением: больше не надо носить маску. И те недостатки, которые тщательно прятались в молодости, старый человек открыто выставляет наружу. Ему уже не надо прятаться и притворяться. Ему всё равно.

Она орала минут десять, орала матом, ничуть не заботясь о том, что моих денег в дело вложено немало. И что в ответ на такой поток оскорблений я могу и обидеться. Ей было всё равно, обижусь я или нет. Её совершенно не заботили мои чувства. Впрочем, как и чувства всех остальных. Всю жизнь её интересовал исключительно один человек: она сама. Я переждала всплеск эмоций. У неё была причина беситься, что я подняла её с постели. Дело в том, что у Ольги Павловны были две страсти: вечерняя и постоянная. Вечерней страстью была игра. Она постоянно шлялась по казино, где с завидным упорством проигрывала большую часть своих заработков. Сколько помню, она так ни разу и не выиграла. Второй страстью были молодые люди. Лет на тридцать моложе, которых она откровенно содержала. Молодые люди обдирали её до нитки, а потом исчезали. И с таким же завидным упорством она находила новых. Учитывая, что две эти страсти не могли не влиять на её деловые качества, почти всем в агентстве заправляла я. Тайно, скрываясь от подчинённых. Ольга Павловна была начальницей на девяносто процентов только для виду. Её это раздражало. Без меня она бы потонула совсем. Но всё-таки существовали такие вопросы, которые я не могла решить без неё. Мы были на ты, но об этом не знал никто из подчинённых. Мы разговаривали на ты в близких телефонных и личных разговорах. Сейчас как раз был такой.

– Заткнись и слушай. У нас возможны проблемы. Их пока нет, но они возможны. И с этим срочно нужно что-то решить.

Я знала, почему она бесилась. В этот период жизни она переживала бурный роман с нищим иногородним восемнадцатилетним студентом Максимом.

– Я тебя уволю, – по этому глупому замечанию я поняла, что он рядом, и эти слова предназначены для него. Сказано было мирным тоном.

– Дело вот в чём. Вчера вечером я встретила одну приятельницу, которая работает в ресторанном бизнесе, – начала я историю, – и она предупредила меня о следующем. В модельном агентстве, которое мы используем, есть одна девушка. К сожалению, она не знала, как её имя. Слышала про неё из определённых кругов. Отец девушки – крупный воротила в теневом мире. Очень крупный. Заправляет практически всем. Девчонка его единственная дочь, он в ней души не чает. Обожает до безумия. И думает, что она готовится стать известной фото-моделью. А девчонка избалованная и капризная. Она развлекается. Короче, её влиятельный папаша не знает, что она стала проституткой, и не знает, чем она занимается в этом агентстве и как мы её используем. Нам нужно как можно быстрее от неё избавиться, прекратить с ней работать, иначе... если папаша узнает подробности, он попросту нас пришлёт. Но прежде чем от неё избавиться, нам нужно узнать, кто именно из наших девочек...

– Я прекрасно знаю, о ком ты говоришь. Это Мила Танеева.

Танеева... Танеев! Мэр города! Час от часу не легче... Господи, ну мы и влипли! Так я и сказала:

– Мы влипли. Но я не знала, что в агентстве есть какая-то Танеева...

– Это потому, что они никогда не используют фамилий. Но ты прекрасно знаешь, о ком я говорю. Миловидная брюнетка низкого роста, с длинными черными волосами и узким лицом. Та самая, которая снималась в халате с зелёными попугаями.

Я знала, о ком она говорит. Эта девушка не была красивой, кроме того, она прославилась постоянными скандалами.

– Подожди... Я вспомнила. Но ведь она наркоманка?

– Точно. Давным-давно сидит на игле, хоть ей всего девятнадцать. И безнадежно. Героин.

– И ты так спокойно говоришь об этом?! Ты обо всем знала, и ничего не говорила?! Не принимала никаких мер?!

– Поверь, ты устраиваешь панику на пустом месте. Беспокоиться не стоит. Мила Танеева ни для кого не представляет интереса, хоть она и дочь мэра. Она его дочь от первой жены. И совсем не единственная. Я не знаю, кто и зачем сказал тебе такую нелепость. С её матерью отец развёлся, когда ей было лет семь-десять. Сейчас Танеев женат второй раз. И у него сын, которому полтора года. Вот в этом ребёнке он души не чает. А на дочь простомахнул рукой. Ему на неё наплевать. К тому же он прекрасно знает, что его дочь наркоманка и проститутка. Он говорит об этом открыто, хоть и плюётся. Несколько лет назад пытался лечить её в больнице, но ничего не вышло. Я хорошо знакома с Танеевым. Мы встречаемся в казино. Не в официальных, водном из подпольных. И, кроме того, я сама слышала и читала в прессе, как Танеев рассказывал о дочери, что она пошла по дурной дорожке. Так что ничего страшного. Он знает все. И совсем не любит дочь.

– Значит, сведения о его дочери не содержат ничего страшного?

– Значит, я хочу сказать, что либо твоя знакомая ничего не знает толком, либо она сознательно тебя надурила. Только вот интересно, зачем? Кроме того, Милу Танееву мы давно не используем с нашими клиентами. Она превращается в развалину и у неё очень плохой характер. Бывали конфликты. Так что можешь успокоиться. Всё у нас хорошо.

Я была не готова к такому обороту разговора. Легко сказать «можешь успокоиться!» Значит, снова ложь. И обманул меня он сознательно! Как я могла забыть, что всё, связанное с этим человеком, сплошная ложь? Я не знала, что и думать... ЗАЧЕМ?! Я не могла разобраться во всём том. Мне уже становилось плохо от такого множества неразрешённых проблем.

А в понедельник в 9 утра, как обычно, я пришла на работу. Я никогда не опаздывала, и в тот день мне не довелось опоздать. Первой, кого я встретила в офисе фирмы, была Ольга Павловна с перекошенным лицом. С неестественно изменённым лицом, дрожащим и побледневшим. Казалось, разом постарела на много лет...

– Нам надо поговорить. В моем кабинете. Быстро.

Едва я вошла, она заперла дверь. Я поразилась этой необычной таинственности.

– Да что случилось?!

– Неужели ты ничего не слышала? Никаких новостей?

– Нет.

– Вчера рано утром был убит Гароев.

– ЧТО?! – я охнула, ухватившись за стул.

– Вчера рано утром, в воскресенье, был убит Руслан Гароев. Застрелен в своей квартире.

– Откуда ты знаешь?

– Во-первых, передали в утренних новостях по радио. Я услышала в машине, по дороге на работу. Во-вторых, как только вошла в офис, сразу позвонила его жене. Сначала я говорила с ней, а потом трубку взял мент, который ведёт дело, он был у неё в квартире... Сегодня днём у нас в офисе будет милиция.

– Почему у нас? Какая милиция? С чего ты взяла?

– Так сказал мент. Всё-таки Гароев был нашим самым крупным клиентом...

– Не самым крупным.

– Нет, самым. Кое-какие его дела тайно вела я.

– Что? Втайне от меня? Ты из ума выжила?! Что ты делала?!

– Помогала ему кое-что перевозить за границу и получать оттуда. Находила маленькие незаметные отели... Понимаешь, деньги были очень нужны...

– Ты знаешь, что он перевозил и получал?! ЧТО?! ГОВОРИ!!!

– Наркотики.

У меня потемнело в глазах, и в этот раз я всё-таки упала на стул.

– Ты хоть понимаешь, что, если начнут копать, ты погибнешь?

– Мои дела с ним не начнёт. Мы всё очень тщательно прятали. Они не узнают. Речь о другом...

– Интересно, о чём?

– Они заинтересуются официальным нашим контрактом с Гароевым. А вела его ты.

На её встревоженном и оттого ставшим особенно непривлекательным) лице отразилось даже некое подобие мысли. Но она глубоко ошибалась, думая, что застанет меня врасплох.

Контракт с Гароевым. Это было первым, о чём я подумала, услышав про его смерть. Мысли мои текли к произвольному направлению – я предполагала, что буду первым человеком, которого станут спрашивать о Гароеве. Поэтому хотела подготовиться достойно и не желала брать абсолютно все на себя. Тем более услышав, что Ольга вела какие-то свои делишки за моей спиной с этим типом. Нужно было поставить Ольгу на место, что я и поспешила сделать:

– Разумеется. И я готова ко всем вопросам. Кроме одного. Я не готова отвечать на вопрос, который последует, когда я скажу, какие делишки связывали с Гароевым тебя.

– Какой вопрос? – насторожилась та.

– Знала ли я о торговле наркотиками? Если знала, значит, я соучастница...

– А почему бы тебе не знать, если ты с ним спала?

Очевидно, моя недалёкая компаньонка тоже была настроена решительно. И готовилась к борьбе. Должно быть, на такую подготовку она затратила все свои силы. Ольга существовала в моих глазах как человек, полностью не способный к решительным действиям. Тем более к борьбе.

– Кто спал? – спросила, глядя на неё так, как смотрят на существо, сморозившее нелепость, выходящую за пределы здравого смысла.

– Ты, – ощерилась она, – у тебя ведь были с ним отношения! И не надо мне врать! Все знают, что ты была любовницей Гароева! Даже твой муж приходил!

– Мало ли куда приходил мой муж! Говорить можно всё, что угодно, но ты не сможешь это доказать. Нечего доказывать: я никогда не спала с Гареевым! И потом, ты забываешь одну очень важную вещь...

– Какую?

– А то, что заниматься сексом и торговать наркотиками – не одно и то же! Хотя ты можешь считать, что когда мужчина спит с тобой просто так, без денег, тоже равносильно с его стороны преступлению, но... Но в уголовном кодексе за это статьи нет!

Выпад был довольно грубый, бестактный и даже жестокий, но он подействовал. Она смутилась, покраснела (как краснела всегда, когда прямо или косвенно ей намекали, что она содержит альфонсов) и перестала лезть на рожон. В смущённом состоянии она была неспособна продолжить атаку. Я этого и ждала.

– Подумай... – я старалась говорить как можно спокойнее, – нам не время сейчас ссориться. И не нужно выяснять отношения – это пустое. Важно хорошо подготовиться к тому, что мы будем говорить, когда сюда зайвится милиция. А заявиться к нам могут с минуты на минуту. Ты сама понимаешь, чем это грозит. Поэтому мы должны хорошо подготовиться. А мы не сможем это сделать, если ты не расскажешь мне абсолютно всё, что связывало тебя с Гареевым!

– Почему я должна что-то тебе говорить?

– Потому, что эта фирма является также и моей собственностью. Как твоей, так и моей. Сюда вложены и мои деньги. Я тяжело их заработала. И я не хочу ничего терять. Ни денег, ни респектабельности. А если ты оставишь всё на самотёк, тебя ещё посадят, чего доброго. И всё вылетит в трубу, понимаешь? И для тебя, и для меня! Всё!

– Может, позвонить адвокату?

– Ещё не время! До звонка адвокату надо убрать всё, что ты успела наследить. И потом – наш адвокат занимается только гражданскими, корпоративными и экономическими делами. Он специалист по хозяйственному праву. А здесь нужен уголовный специалист по серьёзной статье – торговля наркотиками. Взять адвоката, посвятить третьего человека – значит, всё приоткрыть. А мы не знаем, как будет. Может, всё обойдётся. Придут, поспрашивают и уйдут. Может, Гареева жена убила из ревности, или кто-то с ним бабки не поделил – при его образе жизни всё возможно, и бабник он был жуткий. Так что вариантов много. А может, все наши предосторожности вообще излишни, и менты уже знают, кто его убил. Мы не можем ничего решать до тех пор, пока сюда не заявится кто-либо из милиции. Мы должны их дожидаться. А потом решать. Но до этого ты должна мне рассказать все, чтобы мы были готовы. Ты меня понимаешь?

– Понимаю. Наверное, ты права.

– Хорошо. Когда это началось?

– Да уже полгода будет...

– Полгода! – я схватилась за голову, – Боже, полгода! Целых полгода ты крутила мне мозги! Сколько же ерунды ты успела натворить? И всё за моей спиной...

– Ну, я не думала, что за твоей спиной! Я этого не хотела! Я думала, он всё тебе говорит! Он был очень интересный мужчина. И богатый. А ты...

«А ты»... Сколько можно выразить тремя короткими буквами: её отношение ко мне, пренебрежение, мою жизнь, всё, что меня окружает, ничем не прикрытое торжество, что я оказалась и всегда была ничем не лучше её. Да, правда. Была, чего спорить. Я не чувствовала ни раскаяний, ни угрызений. И если кто-то когда-то взялся меня судить на небесах или здесь, на земле, я бы ответила: да, правда. Но у меня есть оправдание. В моей жизни была две взаимосвязанные вещи: самая большая любовь и самое страшное горе. И не моя вина, если всё так произошло. Я вздохнула. Никто не будет меня судить, а Бог и так всё знает. Значит, не нужно оправдываться. Хотя приятно: все думали, что я спала с Гареевым, а я на самом деле

оказалась лучше, чем есть. Чуть посветлела в своих глазах – и довольно. Жалкие у неё оправдания, жалкая она сволочь. Но никуда мне от неё не деться, и если эта дурочка утонет, то сразу потащит меня за собой.

– Как это началось?

– В казино, как обычно. Я проиграла большую сумму денег. И нужно было её заплатить. Человек, которому я проиграла, согласился дать мне два отсрочки. А у меня совершенно не было денег. Ни копейки, совсем. Я решила снять с нашего официального счета, а потом что-то придумать. Я пообещала, что заплачу деньги, таким убитым тоном... А Гароев слышал наш разговор. Тогда я не была с ним знакома. Но он подслушал этот разговор и все понял по моему тону. Потом подошёл ко мне. Сказал: «Меня зовут Руслан Гароев. Я директор и владелец строительной компании «Аргус». У вас есть туристическое агентство? Я хотел бы встретиться с вами и поговорить. У меня есть к вам деловое предложение, очень выгодное. Давайте встретимся, чтобы его обсудить». Я согласилась. На следующий вечер он повёл меня в ресторан, где были отдельные кабинки, закрытые... И там рассказал... я сразу поняла, что тут дело нечистое. Поэтому спросила прямо, во что именно буду замешана. Знаешь, Гароев был потрясающий человек! Кто-то другой начал бы юлить, что-то придумывать, пытаться меня успокоить, а он прямо заявил! Да так, будто это доставляло ему удовольствие: упиваться тем, какой он плохой, что ли, и тем, что втягивает меня, а я, в силу своих финансовых возможностей, не могу ему отказать. А если вдруг откажусь, он может в любой момент меня убрать, стоит ему лишь щёлкнуть одним пальцем... И будет за что убирать, ведь он всё рассказал! Знаешь, у него была очень симпатична эта прямота. Она просто притягивала – так, что на него невозможно было по-настоящему разозлиться. Так вот, он сказал прямо: «вы будете замешаны в торговлю наркотиками. Я занимаюсь торговлей наркотиками. Я вывожу их за границу и получаю оттуда. Вы будете способствовать моим людям оказываться в разных странах совершенно легальным образом, а она будут привозить оттуда наркотики. За это я буду платить вам пять процентов. А знаете, сколько составляют пять процентов в этом бизнесе? Сотни и сотни тысяч. Вы очень, очень много заработаете. Разумеется, если кто-то из них попадётся, я сразу вас сдам, и вы будете выкупаться своими силами. Но до сих пор никто не попался, а с вашей помощью не попадётся и в будущем. Поэтому риск невелик. Но я всё равно буду платить вам за риск». Сначала я обалдела полностью, потом решила, что он пьяный. Или неудачно шутит... Поэтому попыталась сказать: а если я откажусь?» Он пожал плечами, так легко: «воля ваша. Вы сами можете выбрать. Мне всё равно. На такое выгодное предложение согласится кто угодно. Не вы, так кто-то другой. Какая мне разница? Вы ничем не лучше других! Но если вы откажетесь, можете не дойти даже до этой двери. Боюсь, с вами может приключиться несчастный случай». Понимаешь? Он собирался меня убить! Что мне оставалось делать?! Кроме того, деньги... Ты ведь знаешь, что означают деньги для меня... и я согласилась.

– Идиотка!

– Тебе легко говорить! Тебя там не было! Знаешь, я как глянула на него, так и обмерла! Гароев был таким человеком, что... В общем, из ресторана я бы точно не вышла! А мне хочется пожить! Понимаешь? Долг мой он оплатил. Но это были копейки по сравнению с тем, сколько я получила за первую же операцию. Я помню, как волновалась в первый раз... но всё прошло очень хорошо, я поняла, что риск совсем невелик. И успокоилась.

– Успокоилась она! Неужели ты не понимала, что рано или поздно всё выйдет наружу?!

– Понимала, конечно! Но я привыкла жить сегодняшним днём! Думала: как-то оно будет. А деньги Гароева позволяли мне жить так, как я привыкла.

– Привыкла! Идиотка! Лучше бивзьяла эти деньги и сходила к хорошему гинекологу! Сумасшедшая с бешенством матки!

– Наталья! Ты забываешься!

– А по-моему, единственный человек, который здесь забылся, это ты! И теперь вместо роскошной жизни пойдёшь на сто первый километр, да ещё и меня потащишь вместе с собой! Ладно, что уж теперь делать... Честное слово, я удавила бы тебя собственными руками! Давай лучше рассказывай, как происходило с Гареевым.

– Схема была проста. Раз в две недели он звонил мне на мобильный и говорил, что надо встретиться. Встречались мы по ночам...

– Ничего ж себе! Ты с ним спала?

– Ты что, из ума выжила? Ты забыла, сколько мне лет? Да и боялась я его до полусмерти! К тому же во всех местах он всегда появлялся с девочками лет двадцати, что... думаю, он меня в упор не видел как женщину. У него была снята квартира, специально для деловых встреч, которые нельзя провести в общественном месте, ресторане или офисе. Недалеко отсюда, однокомнатная, квартира в старинном прочном доме, обставленная мягкой мебелью, как кабинет, с евроремонтом. Дверь открывал его телохранитель, который знал меня в лицо. Гареев ждал меня там. Он говорил мне, что его человек такого-то числа должен отправиться, например, в Грецию, в Афины. И давал паспорт. Я должна была оформить поездку как туристическую, с соответствующей визой. Я называла отели, в которых его человек может остановиться (по всем странам я записывала в блокнот все, я подготовила такой список специально для Гареева). Гареев выбирал отель. Я забирала паспорт и оформляла всё за два дня.

– Каким образом?

– Ты ведь знаешь, у нас человек в ОВИРе. Света. Я ей платила, и она быстро делала визу. И на таможне тоже...

– Подожди! Мы ведь на таможне специально платим Анатолию Николаевичу, чтобы...

– Правильно. Чтобы было как можно быстрее для наших левых контрактов с девочками. А я платила ему ещё, чтобы он помогал мне с людьми Гареева. Очень хорошо платила.

– С ума сошла! Он же сдаст тебя за секунду! Бывший мент!

– А он не знал, какой у меня к тем людям интерес! Я ему ничего не говорила, только что нужно сделать, и хорошо платила. Таким образом людей Гареева на таможне не досматривали, и проезжали они без проблем. Когда всё было готово, я звонила Гарееву на мобильный, номер которого знали только избранные (у Гареева было несколько телефонов для разных дел) и говорила, когда его человек может прийти. Он приходил сразу сюда, в офис, и я отдавала билеты, паспорт с визой и готовые документы. Вечером того дня, когда человек Гареева получал оформленные документы, в одиннадцать вечера я снова ехала на квартиру Гареева (уже без предварительного звонка) и он называл номер счёта и название банка, куда переводил мне деньги. Таких счетов у меня несколько. Он переводил ровно половину установленной суммы. Вторую половину я получала, когда человек благополучно и без проблем возвращался из путешествия. Вот и всё. Если у человека за границей случались какие-то проблемы, вторую часть суммы я не получала. Но так было редко. Всего один раз.

– Интересно получается. Значит, ты оформляла контракты совершенно законным образом? И если бы того человека задержали в иностранном государстве с партией наркотиков на руках, то сразу стало бы известно, что он поехал зарубеж через нашу фирму? Так получается?

– Ну, в общем...

– И если бы кто-то копнул глубже, разобрался и начал следить, и понял, что таких торговцев наркотиками проехало через нас несколько, то мы сразу оказались бы под следствием, как фирма, занимающаяся таким теневым бизнесом, да?

– Ну... да.

– У тебя что, совсем не осталось мозгов?!

– Так никого из его людей с наркотиками не задерживали!

– Ты слушаешь, что я говорю?! Ты чем думала?!

– Таким было требование Гареева – оформлять всё официально!

– Конечно! Он просто ставил нас под удар! В случае чего прихлопнули бы именно нашу фирму, а он бы остался в стороне! Никто бы даже не заподозрил, что он причастен! Загремели бы за решётку именно мы! Так ты сделала, да?

– У меня не было выхода! Мне нужны деньги!

– Господи... Мы же неплохо зарабатываем на поездках с девочками! У нас никогда не было крупных неприятностей! Чего же тебе ещё надо?!

– Ты не понимаешь?

– Да, я не понимаю! Я действительно не понимаю, как можно поступать так, как поступила ты!

– Я думала, что всё обойдётся! И оно бы обошлось, если б...

– Если б Гароева не убили. Ты это хотела сказать? Ладно. Давай разбираться дальше. Кто знал о твоих делишках с Гароевым?

– Больше никто! Ни одной души!

– Твои любовники?

– Нет! Что ты!

– Кто-то здесь, в фирме?

– Упаси Боже! Не знала даже ты...

– Из людей Гароева?

– Ну... его телохранитель, который открывал двери, когда я приходила на квартиру. Всегда один и тот же. Его звали Вадим, лет тридцати. Бывший боксёр... И те, кто уезжал...

– Сколько человек было?

– Несколько. Человек шесть-семь, наверное. Может, больше. Я точно не помню. Все молодые мужчины, не старше сорока. Лица однотипные... А если честно, я их не разглядывала потому, что боялась до полусмерти! Я ведь знала, что у них за дела! Они все такие были кошмарные... Не по внешности, а оттого, что я про них знала... И всё.

– У тебя есть список их фамилий? Данные паспортов?

– Нет. Гароев велел всё уничтожить!

– Я же говорю – дура!

– Так паспорта у них наверняка были фальшивые!

– Ты вносила их данные в компьютер?

– Да, кажется...

– Тогда можно посмотреть. Если, конечно, из множества наших контрактов ты вспомнишь, кто именно...

– Я постараюсь!

– Как часто они появлялись?

– По-разному. С разной периодичностью. Иногда – раз в две недели. Иногда – раз в месяц. А бывало, что и каждую неделю два-три человека подряд.

– Повторялись одни и те же, или каждый раз появлялись новые?

– Нет, был один человек. Самый старший. Лет сорок. Он ездил четыре раза. Каждый раз с другим паспортом, но я его запомнила очень хорошо. И некоторые тоже ездили по два раза. В основном – Восток или Европа, не дальше. В Турцию, Стамбул, постоянно. В Турцию ездили все. Тогда у меня с ними маршрут был так обкатан, что я все бумаги оформляла за несколько часов в один день. Потом – в Грецию. Афины, Салоники. В Испанию – Барселона, Кадис, Мадрид. Один раз была Румыния. Какой город, не помню. Два раза была Югославия – Белград. Потом Тунис. И один раз Египет. Три раза Арабские Эмираты, и, кажется, всё.

– Куда чаще всего?

– Турция постоянно, потом Греция, и три раза Эмираты.

Я вздохнула: Гароев был хитёр. Выбрал основные челночные маршруты. В случае чего – не подкопаешься! Да и мы можем сказать: ничего не знали, думали, обыкновенные челноки.

Хитрая сволочь... Знал, как людей подставлять! А эта дура и попалась... В такую удобную и хорошо замаскированную ловушку.

– Были страны подальше?

– Нет.

– Когда ты оформляла его последний контракт?

– Неделю назад. В Грецию, Салоники. Ехал один человек, на пятьднев. Неделю назад вернулся. Я получила деньги. Всё было в порядке. Никто даже не мог предположить...

– Когда ты в последний раз видела Гароева?

– Тогда же! Неделю назад. На квартире. Он позвонил, сказал, что его человек благополучно вернулся из Греции и что я могу прийти получить вторую половину. Я и пришла. Гароев выглядел, как обычно. Угостил меня хорошим греческим коньяком. Сказал, тот человек привёз. И всё. Расстались мы как всегда. Мне и в голову прийти не могло, что... Я и не думала даже...

– Дура! Что ты могла думать?

– Ну... что его убьют!

У меня больше не было ни вздохов, ни слов. Ну почему я выбрала в напарницы такую дуру? Если только... но я отбросила эту мысль. Пока.

– Расскажи мне теперь о самом главном. Как убили Гароева.

Она жалобно вздохнула. Было ясно: что бы она не говорила о своём отношении к Гароеву, ей его жаль. Либо вздох её символизировал полное крушение стабильности и спокойствия. Ведь было ясно: с убийством Гароева начнутся крупные неприятности. Неприятности всегда начинаются с убийством, даже если вины твоей ни в чём нет. Я резко оборвала её:

– Вдыхать будешь потом! Рассказывай!

– А нечего и рассказывать. Было так. Я ехала на работу. Сегодня утром. Как всегда, слушала автомобильное радио – там по утрам крутят очень хорошие песни. И вдруг сводка новостей. Говорят: вчера в воскресенье, четвёртого октября, в своей квартире был застрелен крупный бизнесмен, директор строительной компании «Аргус» Руслан Гароев. Ведётся следствие. И всё. Я обалдела. В первый момент жутко растерялась. Думаю: быть не может, какой-то кошмар! Как только приехала в офис, сразу позвонила ему домой..

– Зачем?

– Ну как же... я подумала: может, ошиблись. Может, это какой-то другой Гароев. Хотя такое совпадение... Трубку взял мужчина. Я говорю: я попала на квартиру Гароева? Он: да, вы кто? Я представилась. Потом говорю: я в машине по автомобильному радио слышала в новостях, что с Гароевым что-то случилось. И хотела бы знать, что. А он спрашивает, почему я так интересуюсь судьбой Гароева? А я говорю: потому, что он был одним из наших самых крупных клиентов. Тот тип рассмеялся и представился: я, мол, капитан Никитин из уголовного розыска. Спасибо за информацию, очень интересно. Да, действительно, вчера в воскресенье, 4 октября, Руслан Гароев был убит в своей квартире, а он ведёт следствие.

– Боже... Идиотка... выходит, ты сама навела на нас ментов! Что же ты сделала?! Ну почему не позвонила сначала мне?!

– Откуда я могла знать?!

– Почему ты делаешь одни глупости? И почему я раньше не разглядела, что у тебя совсем нет мозгов?

– А что я такого сделала, не понимаю?

– Что сделала?! Ты ещё спрашиваешь?! Контракт Гароева с нами содержался в тайне, он никому о нём не рассказывал, особенно жене! Менты бы ничего не узнали! Такие вещи не афишируются! И они могли оставить это в стороне, а ты!..

– Я не подумала. Извини. Откуда я могла знать?!

– Откуда?! А что ты вообще здесь делаешь?! Только всё портишь!

– Ну, знаешь!

– Ладно! Хватит. О тебе поговорим потом. Сейчас нужно думать, что делать дальше.

– А нечего и думать! Мент сразу стал такой любезный, прямо мелким бисером рассыпается. Спасибо, говорит, за информацию, тогда сегодня днём я подъеду к вам в офис, побеседуем. Да, я ещё сказала ему, что контракт Гароева вела ты. Не смотри на меня так, как будто дашь по голове чем-то тяжёлым! Что, я неправду сказала? Ведь работала с Гароевым ты! Потом он дал трубку жене. Та рыдала. Но всё-таки сказала мне что-то. Про то, что утром в воскресенье она приехала с дачи, а Гароев в квартире лежал, мёртвый. Его застрелили. Вот и всё.

Да, действительно. Вот и всё. Вырыла могилу собственными руками, иначе не скажешь.

– Больше нам ничего не остаётся, только ждать. Значит, будем ждать.

И я пошла к себе, лихорадочно соображая, что теперь будет и как отразится то, что случилось, на мне... Гароев. Что я знала про этого человека? Ничего, кроме стандартных данных, указанных в контракте. Да ещё того, что кто-то от его имени прислал мне дорогие духи.

Секретарша заглянула в кабинет и сказала, что меня к телефону. Я спросила, почему она пришла лично, можно было переключить... Спрашивать не стоило: ответ читался на её виноватом лице. Значит, слухи ползли по офису. Бурные разнообразные слухи: все были уверены, что я – любовница Гароева, а теперь все знали, что Гароев убит. Очевидно, секретарша была разочарована тем, что я не лежу на столе в полной истерике, а с самым спокойным видом собираюсь взять телефон... быстро покинув мой кабинет, побежала делиться новостью с остальными: Гароев убит, а я над его трупом не пролила ни единой слезы...

– Наташа, привет.

У меня перехватило дыхание, кровь застучала в висках и всё вокруг заволочло не пропускающей свет дымкой... В горле словно застыл горький комок, и я не могла говорить...

– Наташенька, нам нужно встретиться... – по собственному опыту я знала: такое начало не предвещает ничего хорошего, но... но я не могла заставить себя бросить к чёртовой матери телефон...

– Зачем? – слова раздирали горло наждаком, и я с трудом выговаривала каждое.

– Есть некоторые обстоятельства...

– Как ты смел мне позвонить?

– А что случилось? – в голосе искреннее изумление. Значит, он действительно не изменился.

– Я дура, это правда. И ты лучше всех обэтом знаешь. Но зачем говорить обэтом всем подряд?

– Ты о чём?

– И кому говорить... Случайной проститутке с мозгами дефективной курицы! Мог бы вести себя иначе, хотя бы из уважения к самому себе!

– Наташа, что...

– Вчера рано утром я была возле твоего дома. И случайно слышала всё.

– А зачем ты ходила чуть свет к моему дому?

– А ты как думаешь? Наверное, по глупости хотела выполнить твою просьбу.

– Ты всё не так поняла!

– Я всегда всё понимаю правильно.

– Наташенька, вот обэтой просьбе я и хотел с тобою поговорить. Изменились обстоятельства.

– Нам с тобой не о чем разговаривать. Вообще не о чем! Ни при каких обстоятельствах! И не смей мне сюда звонить! Никогда!

Я швырнула трубку и уставилась в одну точку, чувствуя, что сделала что-то неправильно. Что именно неправильно – я не могла объяснить. Только мысль крутилась в моей голове, стран-

ная мысль, которую я не могла сформулировать чётко. Воскресенье, утро... Что-то было совсем рядом. Что-то важное, то, что я не могла пока объяснить.

И это не было сожалением об утраченных возможностях. Мне хотелось бежать. Непонятно, почему, но меня вдруг охватила настоящая паника, и я с трудом удержалась от того, чтобы не схватить телефон и не заказать билет на какой-нибудь самолёт. Куда угодно – лишь бы подальше отсюда! Чтобы больше не видеть ни себя саму, ни лиц в темноте – никого.

Я выбежала из кабинета – стараясь пойти куда угодно, например, к людям. Моей секретарши не было на месте, и с сожалением я подумала, что не раз просила Ольгу её уволить. Увольнять и брать на работу мы могли только вдвоём. Это было моей ошибкой: в самом начале совместной работы я должна была потребовать себе ту власть, которую постепенно захватила она. Почему я думала обэтом? Что могло изменить появление или отсутствие секретарши? Я не знала. Мне было плохо. И хотелось, чтобы так же плохо было всем вокруг.

Я выскочила в коридор. Он выходил из кабинета Ольги. Его красивое лицо расплылось в ехидной улыбке, которая сделала его внешность хуже.

– Какая встреча! А я иду к вам. Ну что, решили свои проблемы с галстуками?

Почему, ну почему я должна была встретиться именно с ним? Почему именно этот тип занимался расследованием убийства Гароева? Я смогла пробормотать:

– Этовы, господин Никитин...

– Капитан, – поправил меня он.

– Ну да, конечно. Вы здесь по делу....

– Гароева. Вы ведь уже знаете.

– Ольга Павловна успела мне рассказать.

– Знаете, а ведь Ольга Павловна направила меня напрямиком к вам. Она сказала, что вы знаете о Гароеве больше, чем кто бы то ни было.

– Ольга Павловна ошиблась. Некоторые контракты Гароева вела лично она.

– Этоя знаю тоже.

И снова нехорошо улыбнулся. Я хотела спросить, что он знает ещё, но вовремя прикусила язык.

– Так что, будем беседовать? И вы расскажете мне, что ещё находили, кроме галстуков?

– Почему вы?

– А я вам не нравлюсь?

– Нет. Я не то имела в виду...

– Я понимаю. Загадочная особа. Маньяк с фотоаппаратами, телефонные звонки от психов, колумбийские галстуки, а теперь кандидат в возлюбленные или даже состоявшийся любовник – и тот убит.

Мне стало нехорошо.

– Что вы имеете в виду?

– Я успел прогуляться по вашему офису. Познакомиться с атмосферой, обстановкой, сплетнями... Может, пройдёмв ваш кабинет?

Почему я не позвонила адвокату? Позже я не раз задавала себе этот вопрос. У меня не было личного адвоката, но я могла кого-то нанять... Я не задумывалась обэтом, когда отворила дверь кабинета и мы вошли внутрь. Мне казался предстоящий разговор мелким и незначительным... Мне казалось: не из-за чего портить кровь. Он начал сразу:

– В каких отношениях вы были с Гароевым?

– Ни в каких.

– Мне рассказывали другое.

– Кто рассказывал? Вот у того и спросите!

– Зачем вы так? Давайте лучше откровенно побеседуем в спокойной обстановке. Или лучше повестка в мой кабинет?

- Повестка? Почему вы хотите вызвать меня?
 - Я повторю ещё раз: в каких отношениях вы были в Гареевым?
 - Ни в каких! Я оформляла его контракт! Гареев собирался в туристическое путешествие, и я оформляла его бумаги. Так случайно получилось, что его контракт вела именно я! И я не понимаю, почему вы задаёте мне такие странные вопросы?
 - С кем Гареев собирался отправиться в путешествие?
 - Откуда мне знать?
 - Вы оформляли документы на двоих человек?
 - Да, но...
 - С кем он ехал?
 - С какой-то девушкой. Он передо мной не отчитывался!
 - Разве вы не были с ним близки?
 - Нет!
 - Ваша начальница и некоторые сотрудники утверждают обратное!
 - Откуда они могут это знать?
 - Они утверждают, что вы были любовницей Гареева, и он не скрывал ваших отношений.
- Так же утверждает его жена.
- Его жена?! Но я даже не была с ней знакома!
 - Зато она прекрасно знает о вашем существовании! Алиса Гареева утверждает, что у вас была связь с её мужем, которая порядком действовала ей на нервы. Её муж ничего не скрывал. Вы ему очень нравились. Он не скрывал ваших отношений. И в это путешествие собирался отправиться с вами.
 - Чушь какая-то!
 - Правда? Покажите мне контракт Гареева!
 - Зачем?
 - Покажите мне фамилию его спутницы!
 - Там её нет.
 - Правильно. Нет потому, что Гареев собирался ехать с вами. Никакой другой спутницы не существует!
 - Этонелепость!
 - Разве? Тогда почему вы так нервничаете?
 - Я нервничаю оттого, что вы несёте какую-то чушь!
 - Кто убил Гареева?
 - Откуда я знаю?!
 - Но ведь вы всё знаете о его делах!
 - Откуда?! Господи, да что же это такое?!
 - Вы бывали в его доме?
 - Нет!
 - Вы звонили ему домой?
 - Да.
 - Зачем?
 - Уточнить некоторые детали контракта. Но его не было дома. Трубку брала его жена. Я не понимаю, какую связь имеют мои деловые звонки с убийством!
 - Я пытаюсь выяснить все обстоятельства. И главное: ваши отношения с Гареевым. Всё, что вы можете знать. А вы сознательно врёте мне в глаза!
 - Этонеправда! Мне незачем вам врать!
 - Вы знаете, каким образом был убит Гареев?
 - Ольга Павловна говорила что-то по поводу того, что он был застрелен в своей квартире.

– Правильно. Руслан Гароев был убит в воскресенье 4 октября между 6.45 и 7.30 утра. Он был застрелен из самодельного охотничьего обреза очень крупного калибра. С таким обрезом охотники обычно ходят на крупных зверей. Гароев был убит выстрелом с близкого расстояния, буквально в упор в лицо. От лица почти ничего не осталось. Жена с трудом смогла его опознать. Жена вернулась в воскресенье вечером с дачи, около шести вечера. И увидела, что дверь квартиры открыта. Гароев лежал на спине в холле. В распахнутом халате. Выглядел так, словно встал с постели и никакого нападения не ожидал. Эти выходные жена с детьми проводила на даче (дети до сих пор там), а Гароев был в городе, его фирма работала и в субботу. Утром в воскресенье он должен был приехать к семье, но не приехал. Жена решила отправиться в город сама. В квартире не было следов взлома, и ценные вещи, аппаратура, золото, деньги не пропали. Очевидно, Гароев сам открыл убийце дверь. Учитывая, что он был осторожным человеком (так показала его жена и сотрудники), он мог открыть дверь только близкому человеку, например, своей любовнице.

– Вы намекаете, что Гароева убила я?

– Я ни на что не намекаю.

Я почувствовала что-то прохладное в глубине, но было слишком страшно обращать на это внимание. Он не казался мне умным человеком: типичный мент, привыкший разбираться во всём с трудом. Мне не хотелось думать, что от этого твердолобого человека что-то зависит. Но очень хотелось надеяться: в конце концов он разберётся, что к смерти Гароева я вообще не имею отношения.

– Он часто бывал у вас в офисе?

– Нет. В последнее время редко. Он всё не мог выбрать, в какую страну ему хочется отправиться, и срок, в который он собирается это сделать. Кроме того, он говорил, что не может определиться с выбором подруги для сопровождения. Насколько я поняла, девушек было у Гароева очень много.

– Вы знали, кто они?

– Сам Гароев говорил мне, что любит отдыхать с моделями. Он брал девушек из какого-то специального модельного агентства. Заказывал целыми партиями, по несколько штук.

Разумеется, Гароев не говорил мне ничего подобного – ещё не хватало! Но такая ложь не помешает: ведь мент всё равно докопается до модельного агентства, рано или поздно. Так пусть считает, что Гароев выбирал девиц сам.

– А с чего вдруг Гароев решил отправиться за границу?

– Откуда мне знать?

– Он часто ездил?

– Не очень. У нас есть клиенты, которые путешествуют более часто. Гароев ездил редко, но заказывал дорогие страны. Последний раз, например, отправился в Таиланд.

– О чём вы с ним говорили?

– Да ни о чём. Разве что о контракте. Я советовала, куда лучше поехать. Гароев был придирчивым клиентом. Например, слышать не хотел про Кипр. Его интересовали более экзотические маршруты. В нашу последнюю встречу мы обговаривали поездку в Индию, но он так и не смог ничего решить.

– Он рассказывал о своих делах?

– Нет. Никогда. Я даже не знала название его фирмы.

– Почему?

– А разве я должна была знать?

– Это правда, что Гароев дарил вам цветы и приходил сюда с цветами?

– Да, правда. И что в этом криминального?

– Значит, он пытался за вами ухаживать?

– Нет, не пытался. Он приносил цветы всем.

- У вас происходят конфликты в семье?
 - Какое отношение имеет это к убийству Гароева?
 - Отвечайте на вопрос!
 - Не буду! Вы не допрашиваете меня официально. И потом, к Гароеву не имеет никакого отношения моя семейная жизнь!
 - Почему Гароев не путешествовал с женой?
 - У него спросите!
 - Он когда-то предлагал вам отдыхать вместе с ним?
 - Нет, никогда.
 - Вы не знаете, у него были враги?
 - Что вы имеете в виду?
 - Ну, враги. Ему никто не угрожал? Может, кто-то был должен ему деньги? Или что-то не поделил в бизнесе? Враги любого рода, и в личных делах.
- Я снова почувствовала холод в глубине живота. Но теперь это было вполне объяснимо и очень реально. И от того, насколько объяснимо, мне стало нехорошо...
- Нет. Повторяю: я ничего не знала о его делах. С чего вдруг Гароев стал бы со мной откровенничать? Он всегда был в хорошем настроении, с виду. Всегда весел, подтянут и очень уверен в себе. Он не производил впечатление человека, которому кто-то мог угрожать.
 - Вы не знаете, Гароев увлекался охотой?
 - Охотой? Нет, не знаю. Но его никогда не интересовали подобные маршруты. Например, сафари, подводная охота, ловля акул. У нас есть такие. И есть желающие, довольно много. Но Гароева это не интересовало. Ему подавай комфортный экзотический отель, в котором можно хорошо провести время с красивой девушкой и изредка осмотреть достопримечательности. И всё. Охота, по-видимому, не входила в сферу его интересов. Как и оружие...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.